

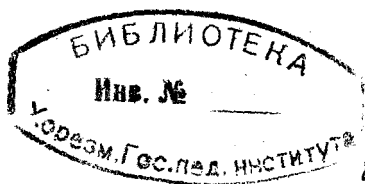
О. СИДЕЛЬНИКОВ

Заоблачные
ГВАРДЕЙЦЫ

ОЛЕГ СИДЕЛЬНИКОВ

Заоблачные ГВАРДЕЙШЫ

013882

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
„Еш гвардия“
Ташкент — 1963

В повести „Заоблачные гвардейцы“ нет вымышленных эпизодов. Мне не надо было ничего выдумывать — это сделала сама жизнь. Я только систематизировал некоторые события, рассказы солдат и офицеров, а также личные впечатления, о которых и считаю долгом поведать молодым читателям.

По некоторым соображениям пришлось изменить фамилии героев, но это не лишило повесть документальности. Мне, прежде всего, хотелось без приукрашивания рассказать о трудной и славной службе „воздушных пехотинцев“, об их героических буднях.

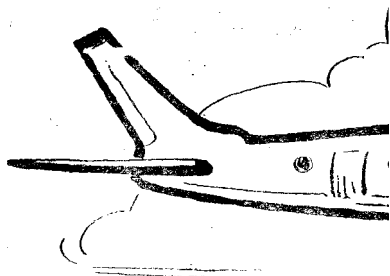
В сборник включены рассказы и очерки об армейской жизни, подвигах воинов в годы Великой Отечественной войны, связи армии с народом.

Автор

ЗАОБЛАЧНЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ

КАК СНЕГ

НА ГОЛОВУ

В огромном самолете царил оглушающая тишина: вот уже третий час воздушный корабль с ревом пожирал небесную синь, и людям, поместившимся в его чреве, уже казалось, что неумолчимый гул — это и есть тишина, гремющая, тревожная.

Люди в комбинезонах — четыре ряда затянутых парашютными лямками, нагруженных оружием, боеприпасами десантников, похожих на таинственных пришельцев из космической бездны, — хранили сосредоточенное молчание. Кое-кто дремал, иные позевывали.

Но командир роты знал: и дрема, и зевота — все это от нервного возбуждения. Капитан Кулябин знал так же, что его ребята, вслушиваясь в рокочущую тишину, яростно глушат волнение, которое нет-нет, да и тронет когтистой лапой напряженно бьющееся сердце. Знал, потому что сам чуточку волновался — и за себя, и за роту.

Тот, кто утверждает, будто бы прыжок с самолета — пустяк, либо сам никогда не прыгал, либо, что еще того хуже, трус. Истинное мужество не в том, чтобы не бояться опасности, а в умении напряжением воли подавить страх.

...Капитан подтянул на летном шлеме ремешок и вдруг улыбнулся. Вспомнился первый прыжок. Было это в далеком сорок третьем году. Аэростат вознесся чуть ли не до облаков. Ваня Кулябин глянул вниз — и сердце его оледенело от ужаса. Ноги стали, как ватные. Все существо его воспротивилось. Однако голос совести, солдатский долг подсказывали: „Прыгай. Ведь ты же десантник!“ Ваня облизнул наждачным языком

мгновенно пересохшие губы, оглянулся окрест, как бы прощаясь с белым светом, и ему даже почудилось, что он видит на далеком горизонте родное село Березовое.

— Пошел!.. Прыгай!..

Это уже был голос командира. И, повинувшись приказу, Ваня ринулся в небытие.

Несколько мгновений цепящего ужаса — мгновений, бесконечных, как бессонная ночь, а затем радость и восторг! Он спускался на притихшую от удивления землю, словно птица. И даже несколько прозаическое приземление не омрачило восторга. Потирая расквашенный нос, рядовой Иван Кулябин улыбался озарившей его мысли: „Вот это здорово! Вот это красотища! Ну, Иван, теперь нету тебе жизни без парашюта“.

С тех пор много воды утекло. Деревенский паренек превратился в капитана Ивана Михайловича Кулябина. За его плечами не одна сотня прыжков. Но навсегда останется в памяти „воздушное крещение“. И еще: всякий раз перед прыжком он подавляет и будет подавлять легкое волнение, коварную мысль, тихо пульсирующую в тайничках сознания: „А вдруг?..“

Иван Михайлович взглянул на часы. До цели оставалось минут десять лету. Лица десантников поблескивали от пота; сказывалось нервное напряжение, физическая усталость — ведь у них за плечами многокилограммовый груз.

„Ну, ребятинки, не подведите, — мысленно обратился Кулябин к десантникам. — И тут же добавил: — Нет, такие солдаты не подведут. „Старики“ — народ, выдавший виды: они десантировались в леса и в степные просторы, совершали стремительные марши, чтобы выручить попавший в „окружение“ батальон, они могут, если понадобится, сутки жариться под палящим солнцем и обходиться без воды. Да и первогодки подобрались что надо. С характером парни“.

Так размышлял капитан Кулябин, невысокий крепыш с открытым русским лицом и доброй улыбкой. А в другом, рычащем моторами самолете, сидел рослый интеллигентный шатен, очень похожий на ученого математика, Борис Евсеевич Коржов. Он задумчиво щурил серые в искорках глаза. Он тоже отгонял прочь коварное: „А вдруг?“ Но беспокоился „ученый мате-

матик" не о роте, а о батальоне, который, в полном составе, с орудиями, минометами и другой техникой, взмыл в небеса и вот с минуты на минуту должен обрушиться на противника, как снег на голову.

Полет в глубокий вражеский тыл кого хочешь делает мыслителем. Размышляли и солдаты. Они вспоминали свое недавнее детство, перед их мысленным взором возникали картинки жизни, родные и близкие. Далеко не каждому удастся восстановить в памяти образ отца. Фашизм сделал сиротами Рудольфа Сабирова, Владимира Конова, Виктора Кроткова, многих других хороших ребят. У них с войной старые счеты. И горе врагу, если он решится разжечь пожар. Сабировы, Коновы, Кротковы, их товарищи по оружию вышибут дух из злобного хищника, имя которого превратилось в позорную кличку — „империализм“.

...Размышляют, размышляют солдаты.

Но вот подан сигнал: „Приготовиться!“ И сразу у всех — одна мысль: „Правильно отделиться. Нельзя прыгать ногами вниз. Нельзя и вниз головой... Надо — плашмя, так, чтобы лечь на воздушную струю. Иначе — завертит, закрутит реактивный вихрь. Надо лечь плашмя, отсчитать пять секунд, ровно пять, и лишь после этого рвануть вытяжное кольцо. Если дернуть раньше, стабилизирующий парашют не успеет погасить скорость, и может разорваться купол главного парашюта... Плашмя, только плашмя!.. Выдержать пять секунд!..“

В хвостовой части самолета разверзся огромный люк, и в фюзеляж ворвался грохот и рев.

— Пошел!..

Не прошло и полминуты — самолет опустел. В светло-голубом весеннем небе забелели белые куполы — парашютов, сотни. Самолеты продолжали реветь моторами, сбрасывая контейнеры с орудиями, минометами, боеприпасами. Быстро и уверенно собирают артиллеристы грозу танков — безоткатные орудия, только что пожаловавшие с небес. Автоматчики, пулеметчики, гранатометчики разбираются по отделениям, взводам, ротам, радисты налаживают связь. Роты с ходу накапливаются для атаки.

Впереди — высота, хлещущая огнем. Противник превратил все в гигантский дот, организовал многоярусную оборону.

Я и впредь не буду брать слово „противник“ в кавычки. Что с того, что бой условный. Солдаты и офицеры учатся воевать по-настоящему! Они идут в атаку.

Вокруг бушует весна: солдаты идут по огненно-красным коврам из маков, над ними весело улыбается солнце, шустрые ящерицы снуют возле солдатских сапог, осторожные черепахи укрывшись в собственных панцирях, делают вид, оудто бы они всего лишь обыкновенные камни. Но ребятам в комбинезонах сейчас не до весенних радостей. Им нужно взять высоту, изрыгающую огонь и смерть, взять во что бы то ни стало. Они учатся воевать для того, чтобы никогда не было войны, овладевают воинским искусством, тяжелым солдатским ремеслом во имя мира и счастья, во славу созидательного труда тех, кто, уже отслужив положенный срок, нынче строит, пашет, пишет стихи и проникает в тайны космоса; ради тех, кому нынешние солдаты передадут оружие и скажут: „Теперь вы, друзья, охраняйте наш мирный труд. Будьте нашими достойными преемниками“.

...Роты рванулись в атаку. Противник встретил их ливнем огня, прижал к земле. Десантники заработали саперными лопатками, по крохам выгребая неподатливую землю. А солнце печет все сильнее и сильнее. Опустели фляжки. Жажда одолевает. Руки и ноги становятся вялыми, непослушными. „Хоть бы глоток воды... Единственный глоточек!“

Проходит полчаса... час. „Хоть бы полглоточка!.. Хоть несколько капель воды!..“

...Солнце жжет, словно раскаленная сковорода.

И когда уже казалось, что нет больше сил даже пошевелить иссохшими губами — пришел боевой приказ: „Штурмовать высоту“.

... вместе с ним явились силы.

Обходный маневр с флангов. Атаки в лоб — демонстрация. Десантники карабкаются по кручам, блокируют огневые точки противника, обходят высоту с флангов. Ничто их уже теперь не остановит. А если дойдет дело до рукопашной? Что ж. Десантник — это и разведчик, и стрелок, и мастер ближнего боя; он умеет стрелять, маскироваться, подрывать доты и дзоты, искусно биться, вооружившись малой лопатой или десантным ножом, и даже сражаться без оружия.

Все слабее и слабее становится огонь противника. Он в растерянности. На полную мощь заработала десантная артиллерия.

Еще одно усилие — и противник дрогнул. Сквозь грохот боя слышится победное: „Ура-а-а!“

Высота взята!

И наконец-то наступила тишина. Не та, что ревела моторами самолетов, а настоящая — просто тишина. Как-то по-иному, особенно нежно, голубеет небо, а солнце дружески подмигивает и от души смеется, глядя, как солдаты в коробящихся от пота гимнастерках и комбинезонах, обливаясь, жадно пьют из котелков тепловатую, невероятно вкусную воду.

— Ну, братцы, отвоевались! — улыбается сержант Владимир Согинов, приглаживая слипшуюся желтоватую шевелюру.

— Молодцы, орлы! — радуется командир роты капитан Кулябин.

— Трудненько пришлось, но задачу мы выполнили, — заключает комбат Коржов после того, как поступили сообщения из рот.

И лишь самым последним облегченно вздыхает руководитель учений:

— Десантировались нормально. Высота взята.

* * *

Вот и весь рассказ об одной из десантных операций, в которой я, к сожалению, не имел возможности участвовать.

Официально мне о ней сообщили так:

— Десантировались в заданном районе. Ударом с флангов противник был сбит с занимаемых позиций, и таким образом десант выполнил поставленную перед ним задачу.

Все остальное я собирал буквально по крупицам. Порой приходилось пускаться на хитрости и даже на „провокации“, чтобы исподволь выведать подробности. И если я все же кое-что упустил, недосказал, то вряд ли я в этом виноват. Все дело в том, что скромность героев этой повести подстать их мужеству, выносливости и отваге.

Поселился я в казарме десантной роты батальона Коржова, а еще точнее — в третьем взводе. Прежде чем определить меня сюда, командир части долго прикидывал, советовался с другими офицерами.

— Видите ли, — объяснил он, — батальон Коржова действительно заслуживает внимания, а рота Кулябина — передовая. Но ведь и другие батальоны... И роты... Однако, не можете же вы писать обо всех сразу. Слишком много действующих лиц, больше чем в телефонном справочнике. Нет уж, идите к капитану Кулябину. Договорились?

И в роте капитана Кулябина стало одним офицером больше.

Честно говоря, я ожидал увидеть этаких „чудо-богатырей“ саженого роста.

А на меня поглядывали с любопытством самые обыкновенные парнишки. Были среди них, конечно, и рослые, и кряжистые. Но в целом — ребята как ребята. И глаза у них мальчишеские, в веселом прищуре. Носы, поджаренные солнцем, кое у кого даже в веснушках. На иного взглянешь и не подумаешь, что — солдат; так — подросток, пригостишка в мужчины.

А между тем все они солдаты. Да еще какие!

Капитан Кулябин вызвал ефрейтора Дамира Ахмеджанова и поручил ему уложить для меня парашют. Подбежал молоденький солдатик, почти мальчик с виду, черноглазый, подвижной, и с великой энергией, чуть ли не с восторгом принялся за работу. Признаться, мне стало немного не по себе. Одно дело если тебе плохо выглядят брюки, но парашют все-таки есть парашют! Его прямо-таки необходимо укладывать идеально. Ефрейтор, работая на моем лице следы внутреннего смущения, Иван Михайлович сказал как бы невзначай:

— Ахмеджанов — замечательный солдат.

Капитан не преувеличивал. Впоследствии, глядя на Дамира, я диву давался: откуда столько энергии, прилежания? В рукопашной маленький ефрейтор без труда справится и с верзилой, поскольку является лучшим в роте самбистом. Да и физической силой, несмотря на кажущуюся хрупкость, природа его не обидела. Во время учений Дамир карабкался по горам, не ведая

усталости, словно миниатюрный „шагающий экскаватор“, рыл неутомимо окопы. За время службы Ахмеджанов удостоился трех десятков благодарностей. Его имя значится в списке отличников боевой и политической подготовки. В числе лучших воинов Дамир участвовал в окружном совещании отличников. А в канун открытия XXII съезда КПСС Дамир удостоился особого отличия — его приняли кандидатом в члены партии.

Честно говоря, первые дни пребывания в роте я только тем и занимался, что ошибался в оценках людей. Квадратного парня с маленькими умными глазами — младшего сержанта Виктора Балина я почему-то счел потенциальным нарушителем дисциплины. Великий молчальник, пожалуй, даже несколько угрюмый, Виктор к тому же испугал меня наколкой на мощном бицепсе: „Нет в жизни счастья“.

„Эге! — мелькнула мысль. — Этот дядя прошел огни и воды“.

А между тем, Балин оказался обаятельнейшим парнем. Я счел неделикатным выпытывать у него подробности биографии. Да и к чему они? Ступал ли Виктор на кривую тропку в жизни, или, быть может, наколка появилась случайно. Главное — кто Виктор сейчас. А ныне Балин отличный воин, удивительно скромный, душевный человек. И хотя лексикон его состоит в основном из „так точно!“, но есть и к его каменным устам волшебный ключик — это гитара в руках рядового Владимира Конова. Едва тот тронет струны, взгляд Виктора теплеет, и он запекает робким шепотом. Много, очень много, оказывается, знает песен этот молчаливый солдат с нежной музыкальной душой.

Говорят, в каждом человеке заключен целый мир. Следовательно, встретился я со многими мирами. Разве можно рассказать обо всех моих героях? У каждого паренька свой характер, свои мелкие слабости. Одного надо похвалить — и он расшибется в лепешку, чтобы оправдать доверие командира. Другого хвалить следует осторожно — чего доброго, зазнается. Есть даже „любители“, чтобы с ними разговаривали „начальственным“ тоном, только в этом случае, видите ли, они проникаются чувством ответственности.

И все эти особенности психологии, малейшие движения души должны чутко улавливать командиры.

Ведь иной раз любитель „строного тона“ вдруг жаж-
дет, чтобы его поощрили, отметили. Нашло на него
лирическое настроение — и все тут! Вот, например, ка-
кой забавный и поучительный случай произошел в ба-
тальоне. Правда, некоторые детали носят несколько
личный характер, но десантники разрешили мне писать
обо всем — лишь бы правду.

ШТАНЫ

У сержанта Дорошняка из восьмой роты, бывалого
воина, исчезли штаны. Пошел человек выкупаться в
канале. Вылез из воды, а штаны как в воду канули.

Скандал! У кого украли — у самого Дорошняка,
знатока армейского быта, известного в батальоне кры-
латой фразой, которой его напутствовал многоопытный
отец, отправляя в армию:

— Запомни, сынок: коня обходи спереди, а началь-
ство сзади; конь лягнуть может, а попадешься на гла-
за начальству — мигом работенку какую-нибудь схло-
почешь или выговорок.

Вскоре, впрочем, выяснилось, что с Дорошником
стряслась куда более серьезная беда. Штаны, оказы-
вается, не украли. Попросту они попались на глаза
начальству в лице комендантского патруля, который и
доставил их в комендатуру в качестве вещественного
доказательства, справедливо полагая, что вскоре туда
должен пожаловать и их владелец. Куда ему без шта-
нов деваться!

Вот ведь положение. Человек привез из дому клас-
сический афоризм, исполненный солдатской мудрости и
юмора, а сейчас вынужден предстать в комендатуре
бог знает в каком виде!

Странно рассердился сержант. Весь вечер, как
он тщательно заботится о своей внешности: парадный
мундир отутюжен, белоснежный подворотничок, пуго-
вицы сияют солнечным блеском, усики подбриты в
стрелочку. И вдруг такой конфуз!

Ясное дело, перестарались в комендатуре. До того
разозлился Дорошник, что даже забыл о главном: вы-
купаться-то он отправился без разрешения, думал —
на десять минут и обратно в расположение части. Ко-
роче говоря, забыл человек, что он в самоволке. Таких

только и ждут в комендатуре. А оскорбленный в лучших чувствах сержант даже пошумел малость. Вскоре его проступок разбирался в батальоне. Многие говорили ему горькие слова — комбат Коржов, замполит майор Васьков, начальник штаба батальона майор Сабанюк — мастер острого словца. Степенный замполит, начавший службу в полку со старшины обратил внимание собравшихся на тот факт, что, как выяснилось, Дорошняк трижды записан в комендатуре.

И тут сержант не выдержал. До сей поры он с виноватым видом выслушивал упреки, но услышав „трижды записан“, попросил слова.

— Виноват, товарищи командиры, готов понести наказание. Заслужил, — начал он, волнуясь, и вдруг воскликнул горестно: — Но зачем же говорить, что я трижды!.. Напутали в комендатуре. Ну чего мне врать. Семь бед — один ответ. Никакой я не трижды.

Вздохнув, он продолжал:

— И вообще... Здесь о нашей роте говорили. Мол, весь батальон назад тянет. Так не вся рота! Если у нас парочка разболтанных... Разжигин... ну еще кое-кто. Но хороших солдат у нас куда больше! Сержант Шамов с больной ногой кросс бежал, чтобы не подвести батальон. И первое место занял. Людей и поощрять надо. Или вот я... Ругаете сейчас меня правильно. Только не трижды я, поверьте. А с мая месяца у меня ни единого замечания не было... Поощрять тоже не вредно.

— А вы забыли, что вам комбат благодарности объявил! — напомнил секретарь комсомольского бюро батальона старший лейтенант Воронков.

Дорошняк растерянно заморгал глазами. С горя он упустил из виду это немаловажное обстоятельство. Помолчав, сержант продолжал:

— Это верно. Комбат, конечно, — да. Однако не обо мне речь. Разве я благодарности сейчас прошу? К слову пришлось. О других беспокоюсь... Ротный, взводные командиры, тоже ведь могут поощрять.

Сказал он это от чистой души, никто не усомнился в искренности Дорошняка. Попросту и его суровая душа вдруг затосковала по похвале. Пусть в данный момент он, Дорошняк, ее недостоин. Но в роте есть и достойные.

И он прав. Вовремя поощрить солдата — великое дело.

Характер людей порой особенно ярко проявляется в мелочах.

Десантники подчас бывают грубоваты, но души их чисты, отзывчивы и деликатны, несмотря на недостатки внешнего проявления темперамента. Именно в мелких, казалось бы, малозначительных деталях, действиях, поступках особенно отчетливо виден их подлинный облик.

БУКВАРЬ

Ошеломленный военком уставился на стройного худощавого юношу, стоявшего с виноватым видом.

— Ну и ну! — развел руками военком. — Всякое видал на своем веку, но такое дело!..

Темноволосый посетитель переминался с ноги на ногу. Что ж так поразило в нем военкома? Паренек как паренек. Даже красивый: смуглое, тонко очерченное лицо, серые с поволокой глаза.

Но не цвет глаз изумил военкома. Юноша — азербайджанец Али Заналов — оказался... неграмотным. Абсолютно.

— Послушай, дорогой, — попытывался военком. — Может, все же немножко умеешь писать, а? Буквы знаешь?

— Несколько штук, — последовал ответ.

— Как же мне тебя, неграмотного, в армию призывать? Не положено. Служить-то хочешь?

— Очень хочу.

— Тогда пиши заявление, — по привычке сказал военком и тут же опомнился: — Тыфу, напасть! Как же ты его напишешь? Ты, Заналов, прямо тебе скажу, — чудо двадцатого века.

Неизвестно как вышел из щекотливого положения военком. Но Али Заналова призвали в армию, и очутился он в третьем взводе роты капитана Кулябина.

В роте служат русские, украинцы, чуваша, татары, узбеки, азербайджанцы, мордва... И все они окружили Али заботой и вниманием.

— До чего же славный паренек!

Этот отзыв об Али я слышал буквально от всех

солдат и офицеров. И впрямь замечательный солдат — дисциплинированный, исполнительный, вежливый.

Одна беда — неграмотный.

Так случилось, что Али до двенадцати лет был глухонемым. Дальнейшая жизнь сложилась тяжело — не мог учиться. Однако новая его семья — рота — не оставила Али в беде. Десантники решили взять на себя попечительство. По очереди пишут Заналову письма на родину. А секретарь комсомольской организации роты ефрейтор Валентин Хмутов и ротный писарь Борис Миленин учат Али читать и считать.

— Научим его, товарищ лейтенант, обязательно научим, — уверяет меня стриженный под ежик вечно улыбающийся москвич Миленин, в котором забавным образом сочетаются „светские манеры“ с деловой рабочей хваткой.

— Ясное дело, выучим Заналова, — слегка шепелявя, поддакивает Хмутов (он родом из Чувашии). — Али только первый год служит, а скоро письмо на родину сам напишет. Способный ученик. В пятый класс подготовим. Слово.

... В ротной канцелярии, на столе, рядом с корабельными списками и ведомостями лежат букварь и ученическая тетрадка. В тетрадке детскими каракулями выведено: „ЛУ-ША. МА-ША. У КО-РО-ВЫ МО-ЛО-КО ХО-РО-ШО“.

Это Али учится грамоте.

У солдат мало свободного времени. У десантников — и того меньше. И все же ребята не жадничают — „личное время“ они щедро дарят Али Заналову, дарят с радостью, от всего сердца.

ВОВКА

Он является в расположение части по воскресеньям. Неизвестно, пропускают его в проходной легально или он проникает тайно. Однако он регулярно приходит в нашу роту — смешной, белокрысы мальчуган девяти лет, в ученической фуражке, сползающей на уши, и робко спрашивает:

— Шамиля мо-о-жна!

Вовку любит вся рота. Внешне любовь проявляется в том, что ему нахлобучивают фуражку, разрешают посидеть возле курилки, послушать солдатские раз-

говоры. Вовка это ценит, уважает десантников, но все же сердце его принадлежит одному человеку — коренас-тому, крепко сколоченному Шамилю Нехтиеву, парню со свирепым выражением лица.

Вот и на этот раз слышится знакомое:

— Шамиля мо-о-жна?

А Шамиля нет, ушел в кино.

Вовка смиренно присаживается на скамейку, рассе-яннo вслушивается в звуки гитары.

Прошло часа три. Вовка все мыкался возле казармы. И вдруг мальчишка встрепенулся — вдали послышалась песня:

Тверже шаг, ребята!
По земле советской мы идем.
В десанте служим мы крылатом,
А здесь нельзя не быть орлом.
Нам, парашютистам,
Привольно в небе чистом.
Легки ребята на подъем,
Мы всем врагам совет даем:
Шутить не следует с огнем!..

С напускным равнодушием Вовка вновь садится и ждет, когда раздастся команда:

— Ррота-а... налее-во! Празайди-ись!

Из строя выходит усатый Нехтиев и, скорчив зло-дейскую физиономию, хлопает Вовку по шее.

Вовка счастлив.

Затем друзья уходят смотреть, как играют в городки, волейбол, футбол. Немного погодя, их можно видеть сидящими возле молодого деревца. Оба молчат. Шамиль строгаёт палочку. На голове Вовки солдатская панама.

— Теперь уходи. Хватит.

— И так каждый раз, — удивленно говорит груп-комсорг третьего взвода ефрейтор Яков Гурьев. — По-дружились они, когда Шамиль на строительстве одного объекта работал. Там рядышком Вовка и живет.

И я не пытался докопаться до истоков этой парази-тельной дружбы. Ведь так легко больно ранить их души. Может быть, глядя на белобрысого Вовку, вспо-минает Шамиль своего младшего брата — черного-пре-

черного, с огненными глазами? А Вовка тоскует по старшему брату?

ЛОЖКА

Столовая эта, видимо, организована недавно — не хватает оборудования. ложек. А я не знал об этом обстоятельстве.

Однако хлебать щи через край мне не пришлось. Неожиданно я обнаружил возле моей миски алюминиевую ложку, хотя несколько секунд назад ее не было и в помине.

— Чья ложка? — удивился я.

— Ваша, товарищ лейтенант, — серьезно сказал сержант Согнов.

— Угу, — мотнул головой ефрейтор Анатолий Соколовский.

Рядовой Рудольф Тулькин, красивый золотоволосый парень с подбородком боксера (каковым он, впрочем, и оказался) подтвердил:

— Ваша.

Молчаливый Балин не издал ни звука, но всем своим видом дал понять, что полностью присоединяется к мнению своих товарищей.

В конце стола слышалось шушуканье. Кто-то, перегнувшись к соседнему столу, видимо, объяснил сложившуюся ситуацию. Там поняли. В результате за нашим столом у всех оказались ложки. Следовательно, „бесхозная“ ложка — моя.

Пообедав, я поднялся первым, оставив ложку на столе. Мне не хотелось вынуждать владельца открыто обнаружить себя. Да он и не сделал бы этого.

А за ужином возле моей миски вновь появилась таинственная ложка. Можно было бы пойти в солдатскую лавку, купить ложку и этим положить конец „чудесам“. Но во мне уже выиграло любопытство: долго ли так будет продолжаться?

Ложка появлялась регулярно — за завтраком, обедом и ужином. Когда мы уходили на учения, она где-то пропадала.

Но по возвращению в часть ложка неизменно обнаруживалась мною возле миски.

Так мне и не удалось „выследить“ ее хозяина.

Благодарна профессия врача, исцеляющего телесные недуги; никогда не изгладится из памяти имя любимого учителя, раскрывшего перед вами красоту жизни и созидания. Трудная, кропотливая работа у врача и педагога. Но, пожалуй, еще трудней профессия офицера-строювика, политработника.

Врач лечит болезни, педагог заботится о духовном здоровье человека. У офицера обязанностей куда больше. Он и воспитатель, и советчик, наставник, друг, которому открываются, порой, самые сокровенные тайники солдатской души. Надо вовремя накормить солдата, научить трудному военному искусству, проследить — не болен ли, получает ли он из дому письма, все ли у него благополучно в семье, да и есть ли она у солдата — семья. Долг офицера заботиться обо всем: может быть, солдат скрывает недомогание, а ему необходимо в госпиталь; не натер ли он в походе ноги... Сотни, тысячи больших и малых забот. Не случайно настоящего, заботливого офицера солдаты исстари называют „отцом-командиром“.

В батальоне немало таких „отцов“. Это комбат, его заместители, начальник штаба, командиры рот капитан Кривенко, капитан Кулябин, командир артиллеристов капитан Ниман и другие. Все они разные по характеру. Подполковник Коржов и замполит майор Васьков в отношениях с солдатами несколько „академичны“ — вежливы, внимательны, отзывчивы, но при этом не теряют „чувства дистанции“. Майор Четков и начальник штаба майор Сабанюк — два вулкана, пышущие веселой энергией. Стоит Сабанюку, в особенности в походах, подойти к солдатам, как притихшие было, промерзшие до костей ребята надрыдают животы от хохота — маленький, верткий Сабанюк так и сыплет забавными историями. Подстать ему Четков.

Разные офицеры в батальоне. Каждый работает с людьми по-своему. Но делают они общее дело успешно. Их любят и уважают солдаты.

И, что особенно важно, в своей деятельности офицеры опираются на коммунистов, комсомольский актив, отличников боевой и политической подготовки, на сержантов, среди которых есть по-настоящему талантливые люди.

Некоторое время в роте Кулябина не было командиров первого и второго взводов. Их обязанности успешно выполняли коммунисты Виктор Кротков и Леонид Кулесов. И вот результаты: первый взвод (Кроткова) — отличный, третье отделение второго взвода — также отличное.

В роту прибыли лейтенанты Иванков, Детков и Сахнин. Хорошие офицеры. Детков — из солдат-десантиков, Иванков тоже не новичок в армии, он окончил суворовское и специальное училище, а что касается Сахнина, то он и вовсе свой человек. Еще четыре года назад Павел был санинструктором в одной из рот батальона, членом комсомольского бюро. По рекомендации коммунистов батальона его направили в училище воздушно-десантных войск. И вот нынче Павел Сахнин вернулся в родную семью.

Молодым офицерам достались хорошие солдаты. И я уверен, они приложат все силы к тому, чтобы помочь сделать всю роту капитана Кулябина отличной.

Впереди много забот. Немало осталось их и позади. О некоторых из них мне и хочется сейчас рассказать.

„Трудный человек“

В лице его что-то скифское, древнее. Оно словно вычеканено. Острый, цепкий взгляд чуть скошенных светлых глаз. Короткая стрижка — на манер древнеримских патрициев.

Он сидит, пощипывая струны, и слабым тенорком поет наивную милую песенку, которую, задумавшись, тихо слушают солдаты. Незамысловатая мелодия, забавный припев. Да и слова песенки, в которой, наряду с внутренними рифмами, вдруг встречаются неуклюжие строки, настраивают ребят на лирический лад. Еще бы! Вот о чем поет „древнеримский патриций“.

В нашем крае славится тихий уголок,
Там, где встречается множество дорог,
Где кривые улицы от веселья шуряют,
А кругом весна... Ах, какая красота!

И ни у кого не возникает сомнения, может ли быть уголок тихим, если он расположен на перекрестке

„множества дорог“. Не до этого. Все мечтательно вслушиваются в голос гитариста.

Десантники наперебой просят „артиста“ петь еще и еще. А он знает великое множество песен — русских, украинских, узбекских, азербайджанских, солдатских, шуточных. Талантливый самоучка великолепно играет на гитаре, голос у него тихий, не музыкальный, а насвистывает он просто мастерски.

Это — Владимир Конов, солдат первого года службы, „трудный человек“, то есть... нарушитель воинской дисциплины.

Много горя хлебнула из-за него рота. Он прибыл в нее из подразделения связи. Прибыл... и исчез. В батальоне переполох — чрезвычайное происшествие — пропал солдат! А Конов явился через некоторое время и объявил как ни в чем не бывало:

— Да я же не дезертировал. Я у своих друзей был, у азербайджанцев. Навестить ходил.

За чрезмерную любовь к друзьям Конов чуть было не угодил под суд. Однако коллектив роты решил все-таки перевоспитать парня. Под суд отдать — дело долгое, а вот солдата из него хорошего сделать надо. Так и порешил комбат.

Строптивый характер у Конова, дерганый. И решил капитан Кулябин действовать исподволь, без нажима. Как-то, словно невзначай, разговорился с Владимиром. Спрашивает:

— Знаком с боевым путем нашей части?

— Нет, товарищ капитан, не знаком.

— Как же это так? — укоризненно покачал головой Иван Михайлович. — Люди сражались за Родину. Об их славных делах стенд в ленинской комнате. А вам и прочитать не дано! Эй, парень!

Капитан долго рассказывал о подвигах десантников в годы Отечественной войны...

Рассказ ротного произвел на Владимира большое впечатление. Геройский путь прошла их часть. К тому же, быть может, вспомнился Конову отец, погибший в суровом сорок втором году...

Стал солдат лучше служить. Стареется. Капитан Кулябин не нарадуется, глядя на „трудного человека“. Предоставил ему увольнительную в качестве поощрения.

А на утро старшина роты Валерий Зульев — один из лучших десантников, чья фотография красуется на стенде „Маяки части“, — взволнованно докладывает:

— Рядовой Конов явился из увольнения под значительной „мухой“!..

И тогда предстал Конов перед лицом коллектива. крепко досталось ему от коммунистов, комсомольцев за то, что позорит он роту, боевую славу части, высокое звание воина-десантника.

С тех пор серьезных проступков за Владимиром не числится. Правда, он и сейчас порой „любит порассуждать, высказать соображения по поводу полученного приказа“. Но это, так сказать, пережитки прошлого. В психологии солдата произошел перелом. Он понял силу, а главное — правоту коллектива.

... Мозглой ночью на учениях, спасаясь от проливного дождя, я забрался в пустую кабину грузовика. Через некоторое время кто-то приоткрыл дверцу. Это был Конов — промокший, замерзший. Я молча подвинулся.

— Замерзли, товарищ лейтенант? — поинтересовался Владимир, от холода стуча зубами.

Мы разговорились. Обстановка располагала к откровенности.

Трудная судьба выпала на долю этого парня. Двухлетний мальцом потерял отца. Завьюжил его кровавый сорок второй год. Мать с детишками из Сибири переехала в Баку, тянула на своих плечах семью, как могла. И едва Владимир получил паспорт, он сразу же направился в порт. Матросил, кочегарил, а затем стал работать изолировщиком на нефтяных промыслах, расположенных в коварном Каспии.

— Боюсь, вся моя биография, — смущенно улыбнулся Владимир. — Всякое случалось. Карманные деньги изредка бывали. Иной раз и тяпнешь с приятелем стопку-другую. Бывало: „Вовка к нам“, „Нет, к нам“. А почему? Да все гитара. А в роту попал — чуть не догитарился. Слыхали, небось? Трудно было привыкать к армейским порядкам, я же с малых лет сам себе хозяин. Да и сейчас случается, что-нибудь не по форме выкидываю.

— Ротный идет, — произнес вдруг Конов, рассмотревший в кромешной тьме Кулябина, и вздохнул. Ему

страшно не хотелось возвращаться в свой залитый дождем окопчик.

Солдатам было разрешено поодиночке покидать позицию „в поисках сугрева“. Конов не нарушил приказа, забравшись на полчаса в кабину. Он также знал, что не такой человек капитан Кулябин, чтобы выдворить солдата из тепла и занять его место. Но Конов понимал и другое: ротный промерз и промок, и не меньше его самого.

И тогда Владимир нарочито-грубоватым тоном сказал мне:

— Ну, я пойду. Все равно ротный выгонит.

Рядовой Конов не хотел подать вида, что уступает место добровольно, повинаясь закону солдатской дружбы.

Он вышел из кабины, оставив дверь открытой, и я услышал разговор:

— Куда вы, Конов?

— Во взвод. Дружку тоже погреться надо.

— А где ваш автомат?

— У дружка оставил.

— Какой же вы солдат — без оружия? Эх вы!..

Конов вздохнул, как бы говоря сам себе: „Ну вот... Опять сплоховал“... — и, оскальзываясь в рывтинах, ушел в писквоть промокшую, дрожащую от холода ночь.

Сила единства

Все за одного, один — за всех. Так живут в роте. И если „один“ споткнулся, „все“ обязательно поддержат его, не дадут упасть... Малейшее нарушение дисциплины становится предметом обсуждения в солдатском коллективе.

Однажды рядовой Кулиев изрядно споткнулся. Чуть было не потерял доброго имени. Произошло это так. Играет Кулиев в волейбол и вдруг слышит:

— Кулиев, командир вызывает.

А Кулиеву все трын-трава. Более того, когда его второй раз окликнули, солдат-первогодок только рукой махнул, мол, не мешайте.

И продолжал играть.

Но бить по мячу ему долго не пришлось. Можно было бы посадить на гауптвахту Кулиева, чтобы уме-

ритель его темперамент. Однако командир роты, актив решил поступить иначе. Собрали комсомольское собрание и поставили Кулиева перед лицом товарищей.

Долго будет помнить проштрафившийся солдат этот день. Парень буквально сгорал от стыда, слушая выступления десантников не покинувших ни эпитеты и сравнения. Наконец кто-то внес предложение:

— Давайте напишем письмо родителям Кулиева. Пусть знают правду. Отправили сына Родину защищать, а он дисциплину нарушает. А еще десятилетку окончил! Вот так сознательный!

Это предложение явилось последней каплей, переполнившей душу паренька.

— Вы даже не представляете себе, что будет, если вы домой напишете! — запинаясь от волнения, пробормотал солдат. — Всей семье позор. У меня отец — коммунист, воевал. Когда отправлял в армию, говорил: „Служи, сын, так, чтобы нам за тебя стыдно не было“. Ребята!.. Если он узнает... Приедет и убьет. Честное слово!..

Здорово проняло Кулиева. Душой осознал он всю тяжесть своего поступка. Сейчас он — примерный солдат, активный общественник — агитатор, заместитель секретаря комсомольского бюро роты.

И пусть Кулиев не смущается тем, что я рассказал о его „срыве“. Человека ценят не по прошлым, а по нынешним делам. Так что, если вздумают сейчас в роте написать письмо отцу Кулиева, то только для того, чтобы порадовать его: „Молодец Ваш сын. Верно служит матери-Родине“.

На счету солдатского коллектива немало подобных добрых дел. Избавились от дурных привычек и стали хорошими воинами Ниязов, Ефимков, Артамонов. И не только о поддержании дисциплины заботятся десантники. Они живут и трудятся, руководствуясь великими принципами, которые носят ныне гордое имя „Моральный кодекс строителя коммунизма“.

Добродушный здоровяк, ефрейтор Рафаил Емельянец панически боялся высоты. Перед прыжком он буквально млеял от ужаса. Казалось бы, удобный повод для острот? Однако товарищи видели: Емельянец очень хочет быть храбрым, но слишком много переживает перед десантированием, в психологию ударяется.

— А ты не думай о земле, — убеждали его товарищи. — Смотри на нее, как на игрушечную. Сразу легче станет.

— На первых порах и у нас поджилки тряслись. С одним чудачком знаешь какая история приключилась?.. Лег он спать перед первым прыжком и снится ему. Будто он выпрыгнул из самолета, дерг за кольцо, а парашют не раскрывается... Что делать? Свистит парень вниз, обомлел. А земля все ближе, ближе... Вот она! И в тот момент, когда, значит, по ходу сна надо было в землю врезаться, чудак возьми и свались с койки!.. Хлоп! И амба. Тьма наступила.

Открывает, наконец, глаза и удивляется: вроде на тот свет попал, только непонятно — в ад или в рай! Да разве он существует — тот свет? И обстановка не такая, как бабушка рассказывала. Никакого райского пения, никаких кипящих котлов. Коечки чистые, стены выбелены, ангелы или грешники — шут их разберет! — в „козла“ режутся. „Где я?“ — шенчет парень. Тут подходит к нему ангел в погонах капитана медицинской службы и говорит: „В госпитале. Очень ты чрезвычайно нежный солдат. Упал с койки и целый час без сознания валялся. Вот если бы с самолета сверзился, тогда простительно было бы. Причина уважительная“.

Как узнал об этом парень, побагровел от возмущения. Очень обидно ему стало, что с испугу сознания лишился. Вскочил с койки потребовал обмундирование — и на аэродром. Так и прыгнул, со злости.

Каждый десантник старался поддержать Емельянцева. А рассказать ребятам есть чего. Виктор Кротков выбрался на крыло „По-2“, и до того ему жутко стало, что он тут же и соскочил вниз с испуга. А нынче Виктору все нипочем. Володя Саронов почему-то второго прыжка очень боялся.

В конце концов удалось вселить в парня уверенность. И хоть прыгает он все-таки, изрядно волнуясь, по уже не паникует. Сумел мобилизовать волю. А в этом — проявление мужества. Не случайно в канун открытия XXII съезда КПСС Рафаила приняли в кандидаты партии. Заслужил.

Точно так же спаяны настоящей солдатской дружбой десантники соседней роты, артоподразделения. А когда дружба держится на принципиальной основе — все дела

идут хорошо. Взять, к примеру, спортивную работу. Давно ли рядового Лилина называли „тюленем“? А сейчас он чемпион части по самбо. Отличным самбистом стал ефрейтор Штофман. Против Тулькина не всякий боксер-перворазрядник устоит. А если подвести некоторые итоги, то получается здорово: батальон держит первое место в части по самбо и вообще — из сорока видов спорта в двенадцати первенствуют десантники батальона Коржова. И кубок они завоевали по баскетболу.

* * *

До сих пор я рассказывал о лаврах, заслуженных лаврах солдатского коллектива, но пора потолковать и о терниях, больно ранивших самолюбие десантников, их солдатскую гордость. Мне тягостно писать об этом, но приходится, это мой долг.

„Неподдающиеся“?

*„Командиру батальона
подполковнику Б. Е. Коржову*

Р а п о р т

Настоящим ставлю Вас в известность о следующем: рядовой Разжигин обещал в самоволку больше не ходить. Рота взяла его на перевоспитание. Под трибунал Разжигина не отдали. Узнав об этом, рядовой Власьев заявил: „Теперь гуляй, ребята!“ И добавил: „Не пойду на занятия“.

На другой день Разжигин и Власьев ушли в самоволку, а потом вернулись. Они ушли с наряда по кухне сразу после ужина и потом явились в час ночи...

Далее следует: принять срочные меры и т. д. Подпись: „Зам. командира восьмой роты ст. лейтенант *Коньков*“.

Очень грустный документ. И не только потому, что от него веет тоской по судебному разбирательству. Разжигин — притча во языцех батальона — заслуживает самого сурового наказания. За этими строками скрывается многое: в роте нет тесного единства, она пока бессильна обуздать нарушителей дисциплины, и заме-

ститель командира роты, да, по-видимому, и ее командир капитан Чертков, вместо того, чтобы опереться на актив, уповают на административные меры воздействия.

Я далек от мысли бросать тень на всю роту. Нескольким разгильдяев мутят воду, а разговор идет обо всей роте: „Опять в восьмой чепе!“

А чем спрашивается, экивокат, например, рядовой Акопов? Усердно служит человек. Смертельно боялся прыгать, но все же пересилил себя, обрел отвагу. Почему он и многие другие солдаты должны краснеть из-за „художеств“ нескольких нарушителей воинского долга?

А сам Павел Семенович Коньков? Разве он не переживает? Коньков прошел солдатскую школу в годы войны с фашизмом. Стал офицером. На его груди орден Славы, другие награды. Об отваге Конькова, его дерзких поисках разведчика в батальоне ходят легенды. Рассказывают, будто бы Павел Семенович самолично поднял в воздух самолет противника.

Что и говорить, боевой офицер. И ныне он старается идти в ногу с жизнью, учится заочно в институте.

И тем не менее, Коньков, как, впрочем, и другие офицеры роты, несет ответственность за беспорядки в роте. Командиры не сплотили коллектив, все больше надеются на вышестоящих начальников, они, мол, наведут порядок.

А пока?

Пока рота является главным „поставщиком нарушений“. По-прежнему ходит в „отказчиках“ Тилякин. Дошло до того, что перед самым прыжком этот, с позволения сказать, „десантник“ сбежал с аэродрома. Службу несет он спустя рукава, а вместо того, чтобы приструнить его, полкети „всем миром“ — „один жару“ в роте вздыхают: „Это же Тилякин. Неподдающийся“.

Из-за таких всей роте конфуз, всему батальону.

Я не случайно в заглавии этого рассказа поставил знак вопроса. Сомневаюсь, что все нарушители дисциплины в этой роте — „неподдающиеся“. Надо только по-настоящему взяться за их воспитание. Всей ротой навалиться. А уж если после этого обнаружится неисправимый, злостный нарушитель... Что ж, он, пожалуй, заслуживает того, чтобы с него взыскали по всей строгости воинских законов.

Таковы тернии.

Но я уже заглядываю вперед и вижу: вот она, рота капитана Черткова — парни, как на подбор, не ребята, а орлы! Недаром же в походной песне поется, что десантнику „нельзя не быть орлом“.

Вижу это, но... в перспективе. А хочется увидеть вблизи. Очень хочется!

БУДНИ БЕССТРАШНЫХ

Подъем в шесть утра, физзарядка — и далее по распорядку дня.

Нелегка солдатская жизнь: строевая подготовка, огневая подготовка, чистка оружия, противохимическая и противобактериальная защита, политзанятия, походы, маршброски, изучение уставов... и еще прорва дел. Острят солдаты: „Делишек у нас хватает, не жалуемся. Ежели все их будущей теще в посылке отправить — выйдет целый товарный состав, а к нему еще вагон да маленькая тележка“.

Много дел у обыкновенных солдат. А у десантников того больше. Ведь кроме общесолдатской программы десантники овладевают приемами ближнего боя без оружия, учатся вести разведку, захватывать „языка“, упаковывать в контейнеры оружие, боеприпасы и снаряжение. „Заоблачные гвардейцы“ укладывают парашюты, регулярно проходят предпрыжковую подготовку.

Наконец, они к тому же прыгают из самолетов. Это обстоятельство тоже не следует упускать из виду.

...Сегодня занятия в „воздушно-десантном городке“. Рота капитана Кулябина строится в колонну. Начальник воздушно-десантной службы батальона капитан Фадин шагает рядом и, удовлетворенно улыбаясь, вслушивается в хорошо знакомые слова песни десантников:

И в ясный день, и в злую непогоду,
И в час ночной летит сквозь облака
Десантный полк — воздушная пехота,
Страны родной крылатые войска!..

Четко печатая шаг, рота проходит мимо подтянувшегося часового, вступает на территорию городка.

Он здорово смахивает, этот город, на хорошо оборудованную детскую игровую площадку. Каких только „аттракционов“ здесь нет! „Гигантские шаги“, качели, макеты различных самолетов, „рейнские колеса“, парашютная вышка...

Десантники с удовольствием тренируются на снарядах. Ведь все это так похоже на веселые детские забавы, а „заоблачные гвардейцы“ еще совсем недавно были детьми, и им хочется порезвиться.

Однако не такое это легкое дело — резвиться в воздушно-десантном городке. Здесь испытывается воля солдата, выносливость, мужество, физическая закалка, умение ориентироваться в пространстве и времени.

... Завертелось вертикальное колесо.словно центрифуга вертит-крутит оно двух молодых солдат. Мелькают перед глазами пареньков с непостижимой быстротой земля—небо, земля—небо. А потом и они исчезли: перед глазами туман, в голове сумбур. Наконец ребят извлекают из колеса. Это первогодки Бурков и Борзин, оба — Владимирy. Лица у них русские-русские, былинные, простецкие. Они стоят, пошатываясь, с растерянными улыбками. Товарищи смотрят на них и хохочут. А командир взвода лейтенант Сахнин задает коварный вопрос:

— А ну... укажите, где выход из городка?

Новый взрыв хохота. Бурков и Борзин трясут головами, как бы стряхивая дремоту, и вдруг, словно по команде, яростно тычут рукой в сторону ворот:

— В-в-от!

— Молодцы! — одобрительно улыбается Сахнин. — Становитесь в строй... Следующая пара...

Возле солдат — особенное замечание. Самый ярый фронтовик не в силах был бы навести здесь „железную дисциплину“. Впрочем, лейтенант Иванков и не особенно стремится к этому. Он отлично знает, что, отрабатывая технику отделения со скоростного самолета, любой десантник, очутившись на батуде, не удержится от соблазна крутануть сальто, попрыгать.

Коварная штука — батуд (подкидная сетка). Неудачно отделился от макета кабины самолета — жди неприятностей. Опытный десантник сержант Новьев слиш-

ком резко оттолкнулся... Шшак!.. Сетка отбросила его далеко вперед на жесткие крепления. А это не большое удовольствие — хлопнуться о металлическую штангу. „Что ж, и у отличников бывают промашки,— так или примерно так утешал себя Новьев, поступая в распоряжение капитана медицинской службы Дегтярева.— В следующий раз надо быть повнимательней... Ага. просто ушиб! Это ничего. До свадьбы заживет“.

Пермяк Виктор Ковров описывает полные обороты на лопинге (качелях). При этом его еще вращает вокруг вертикальной оси. Рядом с Ковровым мельтешит на лопинге ефрейтор Слепеньков.

И так от снаряда к снаряду: отрабатываются техника приземления, действия в воздухе, развороты с помощью лямок...

Заканчивается тренировка упражнениями на „горке“. Десантники это называют: „Повисеть на паутинке“.

— Повисим на паутинке, товарищ лейтенант?— спрашивает меня ефрейтор Кудрявцев, кареглазый крепыш.

— Что? Не понял...

— Да вот... с „горки“.

„Повисеть на паутинке“ — очень точное выражение. Десантник с тяжелым макетом парашюта за спиной карабкается на парашютную вышку. Уже одно это изматывает. А там, наверху, новые испытания. С вышки наискось к земле тянутся два тоненьких троса. Они способны выдержать бог знает какую тяжесть, но — увы! — кажутся тоньше волоса.

Высота в тридцать-сорок метров особенно ощутима. С самолета земля воспринимается не так реально. Кроме того, в самолете у десантника парашют — друг, который не подведет. А здесь... паутинка! Надо собраться с духом, прыгнуть в надежде что „паутинка“ не подведет.

Десантник прыгнул, покатился. Через пять секунд он дергает вытяжное кольцо... Ше-к!.. Человек падает... Оборвалась „паутинка“? Нет, она не оборвется. Это иммитация прыжка — до пятой секунды десантник якобы падал со стабилизирующим парашютиком, а затем „сполз“ воображаемый чехол с воображаемого главного купола... Падение прекращается, и солдат благополучно скатывается вниз.

Нет! Нелегкое это дело — „резвиться“ в городке,

который располагает разнообразными „аттракционами“ и здорово смахивает на детскую игровую площадку.

* * *

— Товарищ лейтенант, наш парашют — во! (выставляется большой палец). „Д-1“ — это сила. Раз, два — и в дамках. Сам не дернешь — автомат сработает. А пять секунд падения.. Они незаметно проходят. Иной раз даже жалко становится, что недолго падаешь. Из соседней роты сержант один, Просеков его фамилия, он даже... того... воздушным хулиганством занялся. Выпрыгнет — и держит руками чехол. Автомат сработает, а Просеков чехол-то не пускает, свистит метров семьсот. Командиры, конечно дело, ахают, а потом удивляются: „Как так? Автомат в исправности, сработал, а сержант чуть в землю не врезался“. Наконец, разгадали уловку, всыпали Просекову по первое число. И правильно. Держать чехол — это уже ухарство, хулиганство... А вот парашют хороший, правильный парашют.

Добросердечные десантники, по-видимому, не очень-то доверяли моему парашютному значку (тем более, что подвеску с обозначением числа прыжков я потерял) и всячески старались „обеспечить товарищу лейтенанту бодрость духа“.

Радостно и весело было слушать их уверения. Радостно потому, что не может не растрогать солдатская забота, дружба хороших парней. А весело становилось по другой причине. Некоторые из тех, кто столь ревностно доказывали: „Раз, два — и в дамках“, при отработке прыжка из макета самолета отделились... зажмурился глаза.

Милые мои ребята, добрые и бесхитростные лгунишки!

И все же десантники правы: наши парашюты весьма надежные, и — теоретически — совершить парашютный прыжок так же безопасно, как и перейти улицу на перекрестке.

Правда, смешно было бы утверждать, что у десантников все прыжки проходят гладко. Изредка случаются и весьма неприятные ситуации, из которых, как правило, мужественные люди выходят благополучно, одер-

живая победу над воздушной стихией. Вот несколько примеров бесстрашия, находчивости и самообладания.

Подвиг рядового Сафонова

Солдатская мудрость гласит: „Сапер ошибается один раз в жизни“. В какой-то мере эта поговорка применима и к десанникам.

Рядовой Сафонов ошибся. Неожиданно, обидно, глупо. Случилось это зимой. Руководитель десантирования осмотрел на солдатах парашюты: с минуты на минуту — в маленькие „АН-2“. И вдруг приятель сказал Сафонову:

— Эге!.. А у тебя вытяжная веревка неправильно закреплена.

Ему бы обратиться к командиру. А Сафонов возьми и скажи товарищу:

— Будь другом, перевяжи, как надо.

Вот она — ошибка. Неопытный солдат закрепил вытяжную веревку за... купол парашюта.

И Сафонов прыгнул!

Резкий, оглушительный рывок. Свистящая тьма застлала глаза. Когда же десантник пришел в себя — его пробрала дрожь ужаса: он болтался за хвостом самолета — веревка, одним концом пристегнутая карабином к тросу в фюзеляже самолета, другим была крепко привязана к куполу парашюта (от души постарался дружок!); стопами замотало левую руку и прижало к боку...

„Что делать?! Неужели конец?.. Нет! Надо бороться. Главное — не паниковать... В самолете товарищи. Может быть, они попытаются вытащить меня в фюзеляж... за ту же самую проклятую веревку?“

Сафонов не ошибся, товарищи пытались сделать все возможное, чтобы выволить его, спасти. Однако... От сильнейшего рывка веревка глубоко врезалась в дюралевый край дверцы, никак ее не вытащить. Есть правда и другой способ — обрезать веревку, а Сафонов пусть открывает запасной, спасательный парашют.

Пусть открывает! А вдруг он от рывка и страха потерял сознание!.. Нельзя резать, надо вызвать по радио вертолет. Он пристроится к хвосту самолета, солдата зацепят „кошкой“ и втянут в кабину... Но когда еще

прилетит вертолет!.. Сколько времени придется волочиться парню между небом и землей?! Выдержит ли?

Сафонов выдержал. Более того, он обошелся без вертолета. Сообразив, что товарищи ничем пока помочь не могут, солдат решил действовать самостоятельно.

Внизу сверкали заснеженные поля. Где-то там, на далекой земле, слышно дыхание, следом за ним товарищи, командиры. „Надо обрезать стропы!“ — мелькнула мысль. Парень зубами стянул со свободной руки перчатку... Ледяной вихрь мгновенно сковал пальцы.

„Надо... надо вытащить из-под резинок запасного парашюта нож, — упрямо твердил солдат. — Вытащить и не выронить... Это смерть, если выронить нож...“

У Джека Лондона есть полный трагизма рассказ: человек замерзает в снежной пустыне; остается единственный шанс — у него есть спичка, можно развести костер. Но пальцы не слушаются человека. Он борется за жизнь, но тщетно; сильный американец, лондоновский „супермэн“ — сверхчеловек — гибнет.

Рядовой Сафонов вовсе не „супер“. Так, обыкновенный парень, каких у нас тысячи. Но он — советский воин, и этим все сказано. Он не сидел под деревом, как герой Джека Лондона. Он со свистом мчался на головокружительной высоте; тридцатиградусный мороз, ледяной вихрь превратили его пальцы в деревяшки.

И все-таки деревяшки действовали, они нехотя, но все же обхватили рукоятку ножа, рука, повинуюсь властному приказу, поднялась... Один строп, другой, третий... Перерезана левая группа строп. „Теперь скорее режь правую!..“ И тут же другая мысль: „Не спеши!.. Самолет летает по кругу... Надо приблизиться

ноющей рукой тебе не выдернуть кольцо запасного, а левая — в порядке; дергай левой... неудобно, но надежней... Сейчас!.. Еще несколько минут... Теперь режь, режь стропы, обхвати обмороженные пальцы здоровой рукой... Главное — не выронить нож!.. Так... Все!!!“

Свист в ушах, бешеное беспорядочное падение в тартарары...

В тартарары? Как бы не так! Над головой с победным хлопком раскрывается шелковый купол. Солдат одолел смерть. Победил!

Выручай товарища!

Два земляка, украинцы — Литвенко и Денисченко, встретились в воздухе.

Встреча эта не очень-то обрадовала их обоих. Литвенко довольный спускался на парашюте — и вдруг что-то с криком обрушилось на него сверху. Это земляк с зачехленным парашютом врезался в стропы, судорожно вцепился в них, повис.

Положение аховое, того и гляди сползет чехол с парашюта нежданного гостя... купола перепутаются, сложаются... и тогда поминай, как звали!

Инстинкт самосохранения вопил: „Надо отделаться от того, кто повис на твоих стропях! Сейчас все перепутается, а если и не сползет чехол... Тоже беда! Скорость снижения увеличилась вдвое... Оба разобьемся!.. Сбрось лишний груз... Разожми ему пальцы!“

Так кричал инстинкт самосохранения. Но кроме инстинкта, у советского воина есть сознание долга, чувство товарищества. „Сам погибай, а товарища выручай!“ — этим благородным заветом, прошедшим эстафету многих поколений, и решил руководствоваться Литвенко. Он помог товарищу покрепче ухватиться за стропы, а затем предупредил:

— Не трепыхайся, хлопец, зараз отчиняю другой парашют.

Открывать „ПЗ“ при открытом основном парашюте дело небезопасное. „ПЗ“ может влететь в главный купол, погасить его, может обмотаться вокруг строп, — катастрофа! А у Литвенко еще товарищ „на шее“, мешаает. Неловкое движение — и „фитили аж до самого до земного шарика“.

„Спассти... спассти... себя и товарища!“ — упрямо убеждал себя Литвенко.

Солдат прижал левой рукой клапаны запасного парашюта и, тяжело дыша от волнения, выдернул кольцо.

„Ну вот... надо осторожно подцепить рукой сложенный купол, вытравить немного стропы... Так... Теперь выбрасывай купол в сторону... Не волнуйся!..“

Рядом белело помертвевшее от ужаса лицо товарища. Литвенко ободряюще кивнул ему, и от этого сам приободрился.

... Бросок. Шелковый зонт неохотно стал расправляться...

Литвенко торопливо встряхнул строны... Ура! Огромной белоснежной медузой запасной парашют взмыл ввысь. Уменьшилась скорость снижения, и на душе стало по-весеннему солнечно.

Земля, земля...

Принимай, старушка, земляков.

* * *

И вновь я вспомнил Джека Лондона. Как не похожи многие его герои, „сверхчеловеки“, на наших простых парней. Люди из мира, в котором властвует волчий закон: „Человек человеку — волк!“, порой совершают мужественные поступки, но если внимательнее, глубже проанализировать мотивы их действий, то, как правило, обнаружишь: ими руководит откровенный эгоизм или стыдливо замаскированная мыслишка: „Мне это выгодно. Это принесет мне кучу долларов“.

Наши парни из другого мира. „Человек человеку — друг!“ — записано на его знамени. Вот почему их души столь чисты, самоотверженны и благородны.

Я рассказал о двух наиболее характерных случаях. А сколько „мелких“ проявлений мужества! У рядового Козмина отказал парашют. Десантник не растерялся, выдернул кольцо „ПЗ“. Хлопок — в шелковом куполе запасного парашюта зияло семь дыр! Для трусов это в лучшем случае — тяжелая травма. Но Козмин не дрогнул душой. Тщательно подготовившись к приземлению, воин благополучно перенес встречу — жесткую встречу — с землей. А ведь он буквально падал.

Спустя несколько дней Козмин как ни в чем не

Тихого, старательного первогодка Сашу Салина при приземлении изрядно „приложило“ — порывом ветра его раскачало, и паренек, ударившись спиной и головой, потерял сознание. А через три дня Саша, отказавшись от отдыха, буквально извел командиров, упрямивая разрешить ему участвовать в очередном десантировании. И он добился своего.

Татарин Рудольф Сабиров, чуваш Турьев, некоторые другие десантники тоже знакомы с „неприятностями в воздухе“.

Один мой знакомый лет двадцать назад совершил разведывательный прыжок с парашютом и до сих пор рассказывает о нем с ужасом:

— Я угодил в глубокий арык и едва не захлебнулся! Боже меня упаси теперь даже взглянуть на парашют.

А вот заоблачные гвардейцы реагируют по-другому. Они прыгают с еще большим азартом, все уверенней, лучше, смелее.

На вопрос: „Как же так? Неужели не отбило охоту?“ отвечают: — „Мы же десантники. Надо прыгать“.

Если уж очень доймешь расспросами, говорят официально: „Мы присягу давали. Родина приказывает“.

Отвечают правильно.

Вслушиваюсь в голоса ребят и удивляюсь: „Почему они ссылаются на присягу, приказы? Разве только в них все дело? Главное — воины подчиняются велению сердца!“

Узнав десантников поближе, я понял, почему они ничего не говорят вслух о высоких гражданских чувствах.

Станный человек — „лейтенант писательской службы“. Спрашивает бог знает что. Нельзя же чудаку не ответить. Вот и отвечают: „Так надо“. Желает уточнить? Скажут более популярно: „Присяга“.

Что?.. Насчет веления сердца?.. Так ведь это само собой разумеется... Чудак-человек! Разве об этом спрашивают?

А один острый на язычок парнишка, выведенный из терпения моими „психологическими вопросами“, сказал, пряча в ладони лукавую улыбку:

— Насчет сердца это ясное дело. Дозвольте и мне высказаться. Простите, товарищ лейтенант, неввязочка получается. Вы вот говорите, что теоретически прыгать с парашютом так же безопасно, как перейти улицу на перекрестке. Оно, конечно, верно при одном условии: если прыгать... теоретически. Волноваться-то практически приходится, ежели в воздухе не все ладно. Вот в чем заковыка.

ПО ТРЕВОГЕ

Поздняя осень, а на дворе весна. Курлычут голуби, и зеленовато-багряные тополя с гвардейской выправкой

гордо и переливчато трепещут листвою. Хрустальное небо, словно гигантский купол парашюта, сияет, блестит, легкий ветерок гонит прочь единственное облачко, и оно, повинувшись, медленно уплывает вдаль, растворяясь в червонных лучах молодого солнца.

Мирное утро на земле. На душе светло и безмятежно. Радует все: скользнувший в небесах „ТУ 104“, солдатская песня, мерный звук маятника в репродукторе, отбивающего точное время; плакат, призывающий солдат: „Честь отдавать молодцевато, с точным соблюдением правил строевой стойки и движения“; юные, чуточку заспанные лица десантников, изучающих на плацу правила противохимической защиты...

Но что это? Куда девались мальчишеские, пухлогубые физиономии десантников? Вместо знакомых лиц я вижу множество марсиан!.. Огромные стеклянные глаза, гофрированные хоботы!.. Зачем вы, ребята, надели противогазы, у вас такие хорошие, открытые лица!.. Я понимаю, вы учитесь, упорно учитесь усмирять, душить страшное, безжалостное чудовище, притаившееся в своем логове, далеко-далеко, там, где заходит солнце. У чудовища отвратительное имя — Война. И все же... Неужели оно осмелится вылезти из логова в такое чистое, счастливое утро?.. Да, понимаю, омерзительная тварь, изрыгающая гигантские грибы атомных взрывов, обезумев от бессильной злобы, может броситься на мир в любой момент. И поэтому надо быть всегда начеку. Учитесь, учитесь побеждать войну.

... Мирное утро на земле.

— А-а-а-а-а-а!!!

Надсадный, хватающий за душу вой сирены разлился тягучими волнами по городку, взметнулся к небу.

— Тревога!

Взволнованный сигнал горниста, дробный топот солдатских сапог. В казарме деловая суета. У каждого своя задача, каждый знает свое место. Десантники разбирают оружие, надевают ранцы, артиллеристы выкапывают приземистые безоткатные орудия. Радисты с рациями за спиной налаживают связь.

Тревога! Главное — как можно быстрее покинуть городок и прибыть в один из районов сосредоточения. В современной войне быстрота решает все.

...Вереницы грузовиков с десантниками, орудия,

полевые кухни, санитарные автомашины, вздымая тучи пыли, мчатся в заданный район.

Я еду в газике с майором Сабанюком и радистом. Начальник штаба объясняет задачу.

— Батальону прибыть в район сосредоточения, занять позиции, окопаться, подготовить людей, технику и боеприпасы к десантированию.

Радист бесстрастно твердит:

„Четыре, три, два, один. Прием... Все слышу хорошо... Десять, девять, восемь...“

Батальон достиг живописного ущелья, прорезанного вдоль бурной прозрачной горной речкой. Вдали — желтые, зеленые, красноватые кусты деревьев скрывают село с поэтическим названием. Вокруг красота необыкновенная.

Десантникам однако не до красот. Командир артиллеристов капитан Ниман и начальник ВДС батальона капитан Фадин хлопочут возле десантных контейнеров, в которые грузятся все — от безоткатных орудий до сухих пайков. Солдаты роют окопы, переносят ящики с боеприпасами. Обливаясь потом, они все же острят!

— Эй, парень, что так медленно в гору карабкаешься? Ходи быстрее, а то ни одного ящика не достанется!

Сабанюк, расположив свой штаб под скалой, возится с кодами, картами. Комбат Коржов говорит в микрофон рации бог знает какую хитрую бессмыслицу:

— Стадион, я стадион-два. Прием. Связь односторонняя, понимаю. Сто восемьдесят шесть. Понял. Приказ понял.

Приходит невозмутимый Дегтярев, начальник батальонного мелпункта. Докладывает:

— Машину спрятал в капони́ре.

После небольшой паузы, добавляет радушно:

— Милости просим к нам... если чего.

— Типун тебе на язык, доктор, — добродушно откликается Сабанюк.

Батальон продолжает окапываться. Таков приказ, переданный по рации.

Сложная штука — современная тактика. Нет столь привычных по прошлой войне сплошных линий окопов, зигзагообразных ходов сообщений. Роты разбросаны друг от друга далеко, да и сами роты сосредото-

точены, и взводы тоже: одно отделение на верхушке холма, другое обороняет ущелье, третье — на обратном скате — на случай обходного маневра противника. А в просветах между отделениями, взводами, ротами притаились грозные безоткатки, противотанковые пушки, минометы... Весь район — бесчисленное множество узлов сопротивления. Вроде и догнать противнику не с кем, а сунется — несдобровать ему!

Батальон ждет нового приказа. А пока кухни развозят обед, затем ужин — щи, каша, чай, свежий хлеб. Вкусно необыкновенно.

— Как на курорте, — улыбается сержант из соседней роты.

Действительно, как на курорте. Только недолго нежиться пришлось на лоне природы.

... Ущелье окутали прозрачные сумерки.

Люди всюду остаются людьми. Тихо стелется песня про калинку, солдаты рассказывают „разные истории“, неугомонные Сабанюк и Четков острят.

У комбата много дел — впереди трудная операция. Но и Коржов, уловив свободную минутку, решил немного отдохнуть. Он задумчиво стоит на краю поля. Увидев кучку оброненного хлопка, вздыхает:

— Вот так добро и пропадает, — говорит Борис Евсеевич. Он поднимает хлопок и кладет его на складной столик. — Завтра придут колхозники — отдадим. С полкило будет.

Мне показалось, что эпизод этот — случайный. Коржов недавно в этих краях. Откуда у него такое уважение к хлопку?

Прошелся по позициям рот и с радостью убедился: не только комбат — весь батальон „болеет“ хлопком. Обсуждают ход уборочной кампании, вспоминают о недавней поездке в подшефный колхоз.

... Из темноты донесся голос с характерным кавказским акцентом:

— Па-нимаешь, хлопо-ок са-бирать уме-т надà.

И в ответ — вологодское, окающее:

— Хлопо́к собирать сложно, однако надо. Очень полезное ро́стение — хлопо́к.

До чего ж вкусно, кругло проокал! Словно связку свежих бубликов испек.

К ночи похолодало, заморосил дождь. Замкомбат

Четков, замполит Васьков и я устраиваемся на ночлег. Чтобы как-то спастись от пронизывающего ветра, укрываемся куполом парашюта. Четков вздыхает:

— Эхма!.. Дождь. Худо для хлопка.

— Худо, — соглашается лаконичный Васьков.

Вот и весь разговор. То что для нас дождь — худо, — это долбеда.

* * *

Чутко спит батальон, охраняемый часовыми. Он спит, но готов к бою, готов распороть ночную мглу яростным огнем, сокрушить и уничтожить врага.

ДЕСАНТ

На рассвете прибыл приказ. Собрав офицеров, комбат объяснил общую обстановку и поставил конкретные задачи.

Куда девался „ученый математик“! В четких, кратких и предельно ясных фразах Коржов изложил суть дела.

— Наши войска наступают, имея задачей разгром вражеской группировки. Задача батальона — высадиться в тылу противника, совершить рейд и захватить командные высоты, прикрывающие важное ущелье. Рота капитана Кулябина десантируется на парашютах, захватывает аэродром противника и обеспечивает высадку посадочного десанта..

Через несколько минут машины с десантниками, оставляя за собой шлейф пыли, мчатся к взлетной полосе.

Быстро расстилаются „стоны“ — длинные брезентовые полотнища, на которые аккуратно складываются руководители десантирования майора Четкова. Раздается команда:

— Надеть парашюты!

Немного погода — другая:

— К проверке стройся.

Четков еще раз уточняет задачу, в последний раз осматривает парашюты.

И, наконец, команда:

— К самолетам!..

Самолеты уже режут моторами в ожидании десантников.

Рев моторов усиливается, самолеты взмывают ввысь. Десантники, какой-нибудь час назад сыпавшие шуток, сейчас сосредоточены, затаенные шлемами лица лоснятся от пота, в глазах настороженно-выжидательный блеск. Позевывает Салин. Зевнет — и сконфуженно улыбнется. Неугомонный Четков весело подмигивает гвардейцам.

Сигнал „Приготовиться!“ поднял один ряд на ноги. Зажав в руках вытяжные кольца, десантники походят сейчас на средневековых вонтелей, приносящих клятву. Их лица словно высечены из камня.

— Пошел!

Словно горох из продрванного мешка, посыпались гвардейцы из самолета... Салин, Конов, Соколовский, Гурьев, Ковров, Ефимков, Слепеньков...

Пять секунд странного падения — стабилизирующий парашютик будто держит за шиворот, а затем мягкий рывок — и над головой расцветает огромный белый купол. Над нашей группой с ревом проносится другой самолет. Он в каких-нибудь двухстах-двухстах пятидесяти метрах выше нас. Из его чрева сыплются десантники, волоча за собой крохотные парашютики величиной с обыкновенный зонтик; видно, как сползают чехлы с главных куполов, а немного погодя гвардейцы повисают в воздухе. Можно даже рассмотреть их лица... Вот Симаков, Солоухин, Проньков, Буйко, Графченко...

Третий самолет выбрасывает новую „порцию“ заоблачных гвардейцев. А через несколько минут десантники уже на вражеском аэродроме. Они вооружены так, что могут успешно отбивать танковые атаки, отражать нападения с воздуха, сдерживать натиск значительно превосходящих сил. Появились танки — уничтожай их гранатометами. Пехота? Ее нетрудно прижать к земле...

Но серьезного боя не произошло. Противник не ожидал „гостей“, слабо сопротивляется. Десантники быстро захватывают аэродром, занимают оборону.

Боевой приказ выполнен. Теперь слово за посадочным десантом. Батальон уже в воздухе. Солдаты, орудия, минометы, снаряжение — все, словно в сказке, мчится в заоблачных далях. Высадившись на захваченном нами аэродроме, батальон вырвется на оперативный простор во вражеском тылу. Его задача — сбить заслоны

и захватить командные высоты, господствующие над входом в ущелье, чтобы помочь другому соединению совершить охватывающий маневр.

...Батальон приближается... Вот уже содрогаются от гула моторов небеса!..

НОЧНОЙ БОИ

На учениях много условного: противник, схватки, процент личного состава, выведенного из строя, иногда даже диспозиция. Реальны лишь трудности ратной жизни.

Тяжело, очень тяжело приходится десантникам. Вот и сейчас предстоит много такого, чего не каждому довелось пережить на настоящей войне.

В сумерках подразделение двинулось по намеченному маршруту. Наша рота — в головной походной заставе. Впереди лишь разведчики и отряд обеспечения движения. К двум часам ночи мы должны достичь рубежа вероятной встречи с противником.

Погода выдалась „как на заказ“ — проливной дождь, холод, ветер. Гвардейцы, несмотря на плащпалатки, промокли насквозь, и не понятно отчего это подрагивает грузовик — трясет натруженно завывающий на ухабах мотор или это солдатский озноб?

Ребята притихли. Даже такой служивый, как Согнов, и тот, утопив голову в воротнике шинели, выглядывает оттуда, как сурок из норы. Лишь радист и „Химдым“ трудятся, невзирая на дождь и стужу. Радист поддерживает связь с батальоном, „Химдым“ — младший сержант Балуев, химинструктор, возится со своими дозаторами, проверяет: нет ли радиации.

Дождь, ветер, туман, мрачная, неспокойная ночь. Автошины с погашенными фарами чуть ли не на ощупь пробираются через наведенные саперами мосты, осторожно ползут по горным, раскисшим от дождя дорогам, продвигаются по ущельям... А затем — вода, камыши, какие-то увалы, на которых наш грузовик едва не перевернулся, опять ущелья... Где же высоты, намеченные для захвата? Их нет. Повсюду множество холмиков и горюшек, однако это не те, которые мы ищем.

— Газы! — деловито сообщает „Химдым“.

Десантники надевают противогазы. Двухчасовое сидение в масках — удовольствие небольшое.

Наконец, миновав отравленную зону, десантники получают разрешение снять противогазы, и я на практике убеждаюсь, что все в мире относительно: солдаты с наслаждением вдыхают чистый воздух, промокшие, замерзшие, они улыбаются, они — счастливы. Вот ведь иногда как мало нужно для счастья!

После полуночи я не выдерживаю и перебираюсь в кабину к Кулябину. Официальное объяснение моей постыдной ретирады — отсутствие плащпалатки, забыл захватить ее с собой. Иван Михайлович то и дело разворачивает карту, пытается сориентироваться на местности, но тщетно — контуры холмов тонут во мгле и дожде.

— М-мда-а... дела, — вздыхает Кулябин.

Капитан волнуется. Чего доброго, собьемся с дороги, заедем бог знает куда. К тому же наша машина теперь головная: отряд обеспечения движения исчез, разведчики пропали. Наверное, заблудились.

Неожиданно из тьмы выныривает грузовик, медленно, переваливаясь, ползет навстречу.

— Эге-е!.. Стой! — кричит Кулябин.

Но грузовик продолжает путь, сворачивает в сторону и исчезает.

— Может быть, это наши разведчики? — высказываю я предположение.

— Товарищ капитан! — кричит взволнованный радист, чуть ли не до пояса протиснувшись в кабину. — Товарищ капитан! Комбат передал: — На рубеже „Эн“ находится противник.

Что за чудеса! Стало быть, повстречавшийся нам грузовик — разведка противника. Следовательно, где-то совсем близко — враг! И хотя враг у нас условный, становится немного не по себе.

— Приготовиться к бою! — приказывает капитан.

Остановившись, вновь попытались сориентироваться. Слева ущелье. Кажется, это то самое, которое нам нужно.

Сворачиваем налево. Яростно урча мотором, грузовик ползет неизвестно куда, затем, резко накренившись на правый борт, юзом скользит не то в пропасть, не то в обыкновенную яму... Сейчас точно узнаем!.. Слава аллаху! Угодили в яму. Легко отделались.

— Товарищ капитан! — опять кричит радист. — Все комбат вызывает.

Удивительный человек — „ученый математик“. Как он умудрился в крошечной тьме разгадать, что его головная походная застава сбилась с пути?

— Вы катите к черту на рога, — сообщил Коржов. — Немедленно возвращайтесь назад. Мы приближаемся к ущелью. С минуты на минуту бой.

как в воду глядел комбат.

В шесть часов утра, когда набухшее от дождя небо чуточку посветлело, одна из рот батальона напоролась на противника, пытавшегося захватить ущелье. Взвились в небо сигнальные ракеты. Затарактели автоматы и пулеметы, с грохотом заработали безоткатки...

Мы поспели тютелька в тютельку. Коржов уже успел развернуть боевые порядки, выдвинул на удобную позицию противотанковые орудия и отражал атаку, защищая подступы к ущелью. Но на него навалились превосходящие силы противника.

— Бах!.. Бах!.. Та-та-та-та!.. Уррраааа!.. — Бой разгорелся не на шутку.

Наша рота с ходу ввязалась в схватку. По колено в грязи, падая, поднимаясь, вновь падая и опять поднимаясь, десантники ринулись в контратаку. Дождь хлестал им в лицо, ямы и овраги преграждали путь, но гвардейцы упрямо стремились вперед, пересиливая усталость. Сердце бешено колотится, в глазах туман, рот судорожно ловит воздух, казалось бы иссякли все ресурсы человеческой выносливости... А десантники с автоматами и пулеметами в руках, с тяжелыми ранцами за спиной, катя орудия с пудовыми стволами и плитами минометов на плечах, рвутся вперед! Надо, во что бы то ни стало надо удержать подступы к ущелью... В бой вступают другие подразделения. Грохот орудий и немолчный треск пулеметов и автоматов, грозное „Ура!“ сотрясают землю, отдаваясь в ущелье многократным эхо.

Наконец все стихает, и воцаряется мир и покой.

* * *

Двое солдат, каждый со своей точки зрения, дали оценку этому тяжелому ночному бою.

Высокий, плечистый, спортивного вида шатен со значком десантника, свидетельствующим о том, что его

владелец изрядную часть жизни провел между небом и землей, был краток:

— Действовали хорошо, инициативно, тактически грамотно.

Это был руководитель учениями.

Другой солдат, рядовой Миленин, перематывая мокрое портки „на сухую сторону“ и по привычке довольно улыбаясь, высказался еще короче:

— Ну вот и согрелись!

СИЛЬНЕЕ АТОМА

Захватив неприступные высоты, батальон стал оккупываться. Я только диву давался — двужильные они, что ли — мои парнишки! Многочасовой марш-маневр, дождь, холод, изматывающий бой, голод (в суматохе боя куда-то девались кухни), бессонная ночь.

А десантники знай себе долбят каменистые холмы — роют окопчики, пулеметные гнезда, капониры. И не единой жалобы на усталость. Во взводе лейтенанта Деткова прихворнул один солдат — онемело плечо. Его отправили в санитарную машину. Доктор поколдовал над плечом, солдату полегчало, а когда он вернулся назад... для него уже был вырыт окопчик. Позаботились товарищи.

Такова солдатская дружба. Десантники понимали: противник попытается отбить высоты; чтобы удержать их, надо как следует укрепиться, организовать многоярусную оборону. Надо копать, копать, копать, невзирая на усталость, голод, холод и дождь. А если заболел товарищ, что ж — нужно копать и за него.

Обойдя позицию батальона, я убедился, что „ученый“ майор... весьма даже интрижкомбат. До чего ловко расположил он свои силы! На левофланговой высоте засела рота Кулябина, два отделения оттянуты в тыл на случай, если противник предпримет обходной маневр. Высоту на правом фланге, похожую на Сапун-гору, заняли другие роты, там же Коржов устроит и КП. За другим скатом притаились минометчики, а в устье ложины, между высотами, грозно ошметинились стволами противотанковые орудия, безоткатки.

Такой „орешек“ нелегко разгрызть. Зубы обломает. Мы стоим с Коржовым на КП и любимся суровым,

диковатым видом. Небо словно затянуло мокрой парусиной, впереди равнина, окаймленная линией горизонта, смутно зеленеет небольшое селение, а за ним, поприхоти фантазерки-природы, одиноко торчит, устремив зубчатую вершину в серые небеса, громадная скала. Позади нас — изломы гор, вымытых до блеска дождем, да извивы обороняемого ущелья.

— А все-таки Воронков молодец, — нарушает молчание Борис Евсеевич. — Вовремя передал сведения о противнике...

Комбат вдруг умолк и, внимательно присмотревшись в сторону противника, негромко произнес:

— Кажется, начинается.

И как бы подтверждая его предположение, тишину разорвал одинокий, и поэтому показавшийся неправдоподобно громким, орудейный выстрел.

За ним грохнул второй, третий...

Реву орудий вторили раскаты грома.

Началась артподготовка.

ШТУРМ

Противник атаковал стремительно. Устроив против наших соседей слева небольшую демонстрацию, он основными силами попер на нас.

Именно, попер, иного слова не подыщешь. Пожалуй, это была психическая атака.

Коржов сперва даже немного растерялся — нет ли в действиях противника затаенного коварства? Цепь за цепью солдаты шли в лоб на наши позиции. Наши десантники „били“ на выбор. Редко кто стрелял очередями; каждый выбирал „свою“ жертву и, тщательно прицелившись, расправлялся с ней. Атакующие залегли, но это не спасло их, так как сверху было удобно обстреливать и лежащих.

— Психическая атака, — весело прищурился майор Сабанюк и добавил по-чапаевски: — Хрен с ним, давай психическую.

Потерпев неудачу, противник попытался обойти батальон справа. Но в предвидении этого маневра комбат выставил там заслон и отбил атаку. И все же неприятель продолжал атаковать высоты, решив взять их навалом. Его солдаты упрямо шли вперед.

Трудно им приходилось: ведь они шли по раскисшему от дождя полю, меся сапогами вязкую грязь, вконец измотали силы, а тут еще надо карабкаться в гору.

— Ррр-а-а!— катилось по цепям.

Грохот боя достиг особенной силы, когда атакующие добрались до подножия высот и устремились в ложину. Спрятанные там орудия разили их чуть ли не в упор, а тех, кто по-рыбы раскрыв рты, карабкались на высоту—осыпали автоматным и пулеметным огнем, громили из безоткаток.

— Противник понес большие потери,—резюмировал посредник майор Ищенко, наблюдая за атакой.

Но это он сказал позже. А пока шел бой. Атакующие продолжали упрямо лезть.

Ох и тяжело же им приходилось! Пот лил градом, даже на „Ура!“ не хватало сил. Трижды, пятидесяти „убитые“, расстрелянные в упор, они, пользуясь своей „неуязвимостью“, чуть ли не на четвереньках карабкались вверх, хотя и понимали, что бой ими проигран.

— Эй, солдат!—весело кричал неугомонный Четков какому-то малому, с обалделым видом ползущему вверх прямо на КП батальона. — Ну как там... на том свете?.. Дождичек не беспокоит?.. Да ты не торопись, отдохни маленько, дух переведи. Замаялся, сердешный.

Солдат слабо махнул рукой и, видимо, по достоинству оценив разумный совет, присел на камень. Мокрый от дождя и пота, забрызганный грязью, парень тяжело отдувался и сокрушенно покачивал головой. Ему было жаль, очень жаль своих трудов. Столько потерпелся и все впустую!

Между тем Четков, стараясь перекрыть автоматную раскотню, кричал атакующим:

— Граждане покойнички, хватит вам жить! Берите пример вот с этого загробного жителя. Удобно сидит, отдыхает.

Руководитель учений вызвал к рации комбата и поинтересовался положением дел.

— Подчищаем,—доложил Коржов и добавил для ясности: — У меня командиры противника уже чаи гоняют.

Добавил—и получил нагоняй. Пусть это учения, пусть противник условный. Но воевать надо так, как

полагается, со злостью, видеть в атакующих действительных противников.

И хотя насчет чаев комбат наш сказал для образности, а воевал как полагается, но коли уж сказал — терпи.

— Ну как, сняли с вас стружку? — пошутил я.

— Здоровее оуду, — улыбнулся коржов. — Главное — опять наш успех.

Бой затих. Последние цепи атакующих, пыхтя и отдуваясь, достигли вершины и теперь глядели на нас изумленными, усталыми глазами.

— Эх, ты!.. Да разве такое в лоб одолеешь?!

— Зря трудились, братцы!

Какой-то офицер горячился:

— Я же предлагал... С фланга... Зайти в тыл — и порядок!

— В следующий раз, в следующий раз, товарищ Македонский, зайдешь нам в тыл, не огорчайся, — утешал его Сабанюк.

А маленький солдатик, положив на плечо, как лопату, гранатомет, вздохнул и сказал нивесть откуда взявшимся у него басом:

— Эх, мать честная! Не одолели, стало быть. Однако обратно штурмовать придется. Попотеть придется, ох и попотеем!

— Верно, — согласился Четков. — Это тебе не у будущей тещи будущие блины трескать.

Тусклый день померк. Наконец-то разыскались кухни. Голодные солдаты с энтузиазмом волокли термоса с жирными щами, крутой пшенной кашей, чаем.

Ефрейтор Кудряшев, бывалый воин, расправившись зараз с завтраком, обедом и ужином, удовлетворенно крикнул и, забираясь в свой окопчик, промолвил не без юмора:

— Теперь и отдохнуть можно. Вот только дождик мочит и холодновато малость. А так вообще... Благодарить.

* * *

После ужина комбат собрал Васькова, Четкова, Сабанюка и объявил:

— А теперь давайте поработаем.

Я удивился. Поработали уже, атаку отбили.

— Необходимо сменить позицию, — огорошил меня Коржов.

— Зачем? Отличная позиция.

— А вот зачем, — пояснил комбат: — Надо учитывать специфику современной войны. Потерпев неудачу, противник наверняка попытается угостить нас огневым ударом. да еще каким!.. Я категорически против этого угощения. Мы должны обмануть противника. Пусть ударит по пустому месту. Прошу всех высказать на этот счет свои соображения.

СХВАТКА В УЩЕЛЬЕ

Ночной поиск разведывательной группы завершился относительным успехом. Кротков, Ефимков и Ладов проникли в расположение противника и совершили нападение на его штаб. Добыча однако была не так велика, как предполагалось, — офицер связи и радист.

И все же это недурно. Радист — это коды, волны; офицер связи — штабные документы. Конечно, было бы куда эффективней разделаться со всем штабом. Но, к сожалению, всякое случается на войне, даже если она и условная. Хорошо еще, что разведчикам удалось благополучно унести ноги.

Поутру начались неприятности похуже. Едва забрезжил бледный, иссеченный дождем рассвет, на вершине горы, занимаемой ротой капитана Кулябина, взвился огненный смерч. Дрогнула земля, застонала; громовые раскаты сотрясли всю округу. Через несколько минут — второй яростный удар.

Сбылось предположение комбата — противник пустил в ход мощное оружие.

.. падалось в это время у подошвы горы, занимаемой ротой Кулябина.

„Надо бы на КП, — с некоторым опозданием подумал я. — Похоже на то, что начинается новая атака“.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант, — послышался веселый с хрипотцой голос. — Добренького утра.

Оглянувшись, увидел Петра Креняка, водителя грузовика из головной походной заставы.

— Не такое оно доброе — утро... Слышал, как жакнуло?.. Упорхнул батальон в небеса.

— Упорхнул, да не в небеса, товарищ лейтенант,— улыбнулся водитель.— По голому месту жажнули.

— Да ну? Не путаешь?

Креняк солидно откашлялся:

— Оно, конечно, не совсем по пустому. Однако батальон цел. В тонкостях мне мало что известно. Идите по ущелью, километра два пройдетс, там все и узнаете.

На этот раз противник решил основательно разделиться с нашим батальоном—в ущелье, как в трубу, втягивалось серовато-белое облако. Газы!

Пришлось пробежаться... Вот и КП. Все в противогазах, трудно угадать, кому ты пожимаешь руку, кого пытаешься расспросить о подробностях новой позиции. Постепенно приравливаешься к непривычным условиям, выясняются интересные детали.

Оказывается, знающим офицерам, хорошо обученным солдатам и атомный дьявол не так уж страшен.

После совещания комбат оттянул роту Кулябина и артиллеристов в глубь ущелья. Остальные силы передвинул на столько же по правому флангу. На старых позициях оставлено всего несколько человек. Всю ночь они жгли небольшие костры, чтобы ввести в заблуждение противника, заставить его увериться, будто батальон не двигался с места. Майор Четков, оставшийся на прежней позиции соседней роты, развил кипучую деятельность в эфире, сбивая с толку радиоперехватчиков.

Хитрость удалась на славу. Защищенный складками местности, батальон избежал уничтожения. Посредник вытащил какой-то непонятный инструмент—помесь логарифмической линейки, транспортира и экспонетра—и определил, каковы размеры "горла". Просто удивительно, до чего же они незначительны в сравнении с тем, что могло бы быть! Вот что значит умело маневрировать, тактически грамотно руководить боевыми действиями в современных условиях.

Противник обманут, но еще не знает об этом. Грянул бой. Вновь загрохотало все вокруг. Наступающие цепи атакуют по левому флангу. В низине еще не рассеялись газы, солдаты противника вынуждены надеть маски, использовать противорадиационные средства. Противник все же штурмует горку. А на ней—ни души.

Следует атака на правый фланг. Там „держат оборону“ возвратившиеся из укрытия Четков с радистом да тройка автоматчиков. Георгий Прокопьевич регулярно сообщает на КП о действиях атакующих...

— Противник в трехстах метрах от высоты. Прошу обработать минометами.

И вскоре с минометных позиций доносится звонкая команда старшего лейтенанта Зыкова:

— Стрелять взводу. По пехоте. Осколочный заряд. Прицел—пять восемьдесят восемь. Основное направление—правее один двадцать. Веер сосредоточенный... Первому одна мина... Огонь!

Ахнул жаркий выстрел... второй... третий.

— Противник прошел наши прежние боевые порядки, большими силами устремился в ущелье.

Новая команда Зыкова. Четко и слаженно действуют минометчики. Вновь из стволов с грохотом извергается пламя.

— Противник поднимается на высоту,— доносит Четков.

Легкая пауза, и, наконец, с шиком заканчивает:

— Огонь минометов—на меня! На меня!..

Все. Надо полагать, у Четкова отняли рацию.

А что дальше?

В ущелье—треск выстрелов, но противника пока не видать. Соседняя рота подтянулась к месту предстоящей схватки. План комбата таков.

Атакующие потеряли наш батальон, двигаются главными силами по ущелью, которое им надо во что бы то ни стало захватить; мелкие группы противника пробираются по горным грядам. Значит, главное—встретить как следует „гостей“ в ущелье. Против мелких групп—

...Там, где ущелье особенно сужается, и притаился наш батальон. Все предстоит отведать атакующим—и кинжальный, и фланкирующий огонь, губительный обстрел безоткаток, минометов. Ведь десантники засели с обеих сторон ущелья.

Десять минут... пятнадцать. Где же противник?.. Артиллеристы в который раз осматривают безоткатки. Все ли в порядке?.. Скорей бы прозвучала знакомая команда: „Прицел... наводить в середину. Одна мина, огонь!“

Десантники напряженно ждут боя. Приказ комбата: без команды не стрелять, подпустить атакующих как можно ближе; сигнал к открытию огня—зеленая ракета.

...Из-за поворота показываются первые неприятельские цепи. Вид у них устрашающий. Комбат, зажав в руке сигнальную ракету, напряженно ждет, чтобы все силы противника втянулись в огненный коридор.

На сей раз атакующие действуют весьма расчетливо. Мелкие группы пытаются обойти нас по гребням холмов с флангов, уже ведут с нашими заслонами жаркую перестрелку. Те, что в ложине, умело применяются к местности, не идут напролом: то и дело они обрабатывают автоматами и пулеметами подозрительные скалы, холмики, пытаясь вызвать ответный огонь, обнаружить исчезнувший батальон.

Тщетно! Обороняющиеся—ни звука. И лишь когда в сумрачное небо взвилась зеленая ракета,—шквал огня обрушился на противника. Он оказался в мешке. Отступать невозможно. Единственное, что может его спасти,—это молниеносная атака.

Орудийный грохот, яростная дробь автоматных и пулеметных очередей сотрясают ущелье. Бой идет за каждый камень, за каждую высотку. Была, на мой взгляд, такая минута, когда успех нашего батальона, как говорится, висел на волоске. Откуда-то даже пришла радиограмма: „Командиру батальона срочно явиться в штаб...“

Что это? Неужели руководитель учений посчитал, что сражение нами проиграно? Ведь бой в самом разгаре. Обе стороны действуют самоотверженно, напористо, с полным напряжением сил.

Тут же, не дожидаясь боя, коротко ответил комбат.

Поступило объяснение: „Комбат Коржов тяжело ранен. Командовать больше не может“.

Командование принимает майор Сабанюк.

Новое сообщение: „Капитан Ниман отравлен боевыми радиоактивными веществами“.

Над артиллеристами принял команду старший лейтенант Зыков.

Тут-то мы чуть было не сплеховали. Увлеченные схваткой, оставшиеся в строю офицеры упустили из виду обходной маневр противника. Бой шел у КП, прихо-

дилось самим отбивать атаки. А тем временем через множество мелких, но трудно проходимых горок к нам подбиралась группа отчаянных автоматчиков. Преодолевая нечеловеческую усталость, солдаты карабкались и карабкались по осклизлым камням. Еще десять... пять минут, и они обрушатся на командный пункт, обезглавят батальон.

Все решила контратака взводов лейтенанта Сахнина и Деткова. Они ударили в тыл атакующим наш КП. Особенно самоотверженно действовали отделения Балина и Новьева, десантники Ахмеджанов, Заналов, Хмутов, Тулькин.

Противник дрогнул.

Взвилась красная ракета—отбой. В последний раз громыхнула безоткатка, хлопнул запоздалый выстрел.

— Все!—облегченно вздохнул комбат.

И в этот момент с вершины горки на КП ринулись взмыленные солдаты.

— Ура!..

— Опоздали, голубчики,—торопливо развел руками Сабанюк.—Теперь вы не противники, а дружки наши. А разве на своих нападают? Нехорошо, братцы.

На глазах у „братцев“ навернулись слезы. Действительно, обидно. Каких-нибудь две-три минуты, и все могло повернуться иначе. Я попытался узнать имена наших бывших противников, совершивших столь трудный обходной маневр, но они только отмахивались и сокрушенно вздыхали: мол, о чем теперь речь.

— М-мда-а,—протянул Иван Федорович Васьков.—Как это мы забылись?.. Нехорошо могло получиться.

Замполит не очень преувеличивал. А я удивился: как вдруг в самый горячий момент Васьков спутился на КП? Он все время проводил в ротах, беседовал с десанниками, мок с ними под дождем. Изредка, правда, навещался и на КП.

Изредка, но всегда вовремя. Ценное качество.

* * *

Учения кончились, и сразу же засияло солнце.

— Погодка как по заказу,—шутят десантники.

Смотрю на ребят—вроде и не воевали вовсе. Побрились, умылись, почистили оружие и обмундирова-

ние,—свежие, как огурчики. Некоторые даже по горам лазают (не налазились на учениях!), повсюду шутки, смех. Гвардейцы горячо обсуждают перипетии боя, вспоминают „боевые эпизоды“.

Ничего не скажешь, крепкие парни, настоящие десантники. Такие воины—сильнее атома, ибо имя им Советский человек.

После офицерского разбора учений подразделение созывается для торжественного построения. Командир коротко характеризует действия десантников, лучшим воинам перед строем объявляется благодарность.

Торжественный марш—и по машинам! Воины отправляются домой.

Я не оговорился. Гвардейцы не говорят: „В казарму“. Говорят: „Домой“.

Поздно вечером мы—в нашем городке. Прежде всего чистка оружия.

Наконец все дела закончены. Десантники, улыбаясь от удовольствия, сноровисто разбирают койки.

— Эх, и плюхнусь же я на коечку твердым камушком!—мечтательно говорит Миленин, всем всегда довольный паренек.

Плюхается и мгновенно засыпает.

Через несколько минут вся рота спит беспробудным сном. Умаялись ребята. Могучий храп сотрясает оконные стекла, и они от удивления тихо-тихо позванивают.

А дневальный не удивляется—привык.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

В казарме веселая суeta—десантники наглаживают параллельное обмундирование, полшпивают белоснежные подворотнички, бреются, короче говоря, причесываются. Сегодня воскресенье, многие идут в увольнение, а те, кто остается в городке, тоже хотят выглядеть по-праздничному.

Весело лязгают парикмахерские ножницы, шипят утюги, одуряюще пахнет одеколоном.

Невозмутимый Балин сидит на стуле, стойчески пертерпевая болезненную операцию: товарищ стрижет его издавшей виды машинкой. Добряк Савушкин зажмурил крохотные глазки и ждет—сейчас самодеятельный парикмахер опрыскивает его одеколоном. Правда, у него

нет пульверизатора, но это не беда. Выручает смекалка. „Цирюльник“ набирает одеколон в рот и щедро опрыскивает клиента.

Савушкин в восторге.

К Нехтиеву пришел Вовка, и они уже молчком сидят под деревом. Конов перебирает струны гитары. Генодалеку вздыхают городошники, швыряя тяжелые биты, шумят волейболисты.

СОЛДАТСКИЕ БЕСЕДЫ

У всех приподнятое настроение. Лишь Алеша Жмельков, санинструктор роты, симпатичный брюнет с легким намеком на усики, ходит, как в воду опущенный. Вчера парткомиссия воздержалась от приема его в кандидаты партии.

— Не горюй, — успокаивают расстроенного сержанта товарищи. — В следующий раз примут.

— Что я — навязываться буду? Не хотят — ну и пожалуйте!

Парень явно обижен на членов парткомиссии: румянец во всю щеку пылает, в глазах конфузливые искорки.

— Не огорчайтесь, Жмельков, — говорю я.

— Да как же не огорчаться, товарищ лейтенант! — страдает сержант. — Что я — капиталист какой, что не захотели принять, отказали?

— Не отказали, а воздержались. Стало быть, посчитали недостаточно подготовленным. Обижаться на это не резон. Подготовьтесь получше. Вопросы, небось, задавали?

— Угу, — бормочет Жмельков. — Вопросы-то и подкузьмили. Один вопрос ну прямо-таки загосудили. А сначала все хорошо шло...

Оживившись, Алексей пояснил:

— Спросили меня про моральный кодекс строителя коммунизма — все рассказал. Как в роте у нас ребята живут, как друг другу помогают... Словом, простой вопрос, все ясно. Потом про двадцать второй съезд спросили... Тоже ответил. А потом раз — и сел на мель. Про берлинский вопрос вопрос задали. Так вроде понятно, а в тонкостях разьяснить не могу. Взял и сказал: „Американские империалисты воду мутят“... Разве я неправильный ответ дал, а, товарищ лейтенант?

— Правильный.

— Ну вот видите?.. А им мало, в тонкостях, говорят, объясни. А как в тонкостях? Империалисты—они всякий раз по-разному склоку затевают... По войне соскучились, гады. Им что ни предложи—все наоборот требуют. Только у меня и забот за всеми их пакостями следить!

— Надо следить, дорогой, необходимо.

— Это, конечно, верно,—вздыхает „обиженный“.— Придется подчитывать малость. А то ведь опять нехорошо получится.

— Ого! Вы же решили не ходить второй раз на парткомиссию...

В глазах парня недоумение:

— Как так?.. А-а... вы про то?.. Да я это так сказал, от обиды, погорячился. Пойду, еще как пойду!

Постепенно вокруг нас собрались десантники. Развернулась целая дискуссия по берлинскому вопросу. Особенно активны „старички“, солдаты, дослуживающие положенный срок.

— Прав Жмельков,—горячится Ковров.—Гады—они гады и есть, империалисты поганые. Шкодничают, базы строят. Ну и влепим мы им, коли сунутся! Мне вот скоро на гражданку выходить. Да и разве мне одному? Если честно говорить, соскучился по дому, по Перми. Однако, если гады зашевелиятся—добровольно останусь в армии. Никак без меня армии не обойтись, без нас, старичков. И если говорить по-честному, даже гордость в сердце: „Вот ты какой, Ковров, нужный армии человек. И хоть есть в твоей личной карточке не только поощрения, но и взыскания, а все же ты десантник...“ Очень злы ребята на американских запястьях за то, что жить нам спокойно не дают. Достукаются... Наломаем шею.

— А я заявление подал,—стеснительно сообщает Анатолий Соколовский,—на сверхсрочную хочу... Не знаю, удовлетворят ли просьбу... Армия очень полюбилась, десантная служба.

— И я тоже подал заявление на сверхсрочную,—откликается похожий на армянина парень с русской фамилией — Баранов.

— Да-а-а, ребята,—раздумчиво говорит ефрейтор из артбатареи.—В случае чего... наша специальность

самая ходовая будет. Помните, как маршал Малиновский на двадцать втором съезде о десанниках рассказывал? Это он и о нас с вами говорил.

— Верно. И Никита Сергеевич Хрущев... он тоже нас имел в виду, когда предупреждал агрессоров: одумайтесь, господа, если вы развяжете войну, худо вам придется. Конечно, Никита Сергеевич вряд ли знает о существовании, скажем, рядового Тулькина или там Кашникова, Позднева. Но зато он хорошо знает, что живут и служат в нашей армии такие ребята, которые не подведут.

Смотрю на десантников, слушаю их рассуждения и с удовлетворением думаю: „Да, такие не подведут. Точно“.

Тем временем разговор перешел на другую живо-трепещущую тему.

Кто-то без всякой видимой связи с предыдущим разговором мечтательно протянул:

— Ну и жизнь, ребята, будет!.. Красота.

— Ты о чем?

— Да через двадцать лет... Программу партии вспомнил. До чего все правильно сказано. Жизнь и сейчас хорошая стала. Из колхоза пишат — читать радостно.

... Вьется, вьется солдатский разговор — то размеренный, рассудительный, то взволнованный, зубастый. И, как обычно бывает, меняются, меняются темы бесед.

— Кулесов, небось, из отпуска скоро приедет, — слышится реплика.

— Пора бы.

Сержант Леонид Кулесов, ефрейтор Илья Панов и рядовой Желтко совершили мужественный поступок — сдержали обещание. За выслугу лет и храбрость всем троим предоставили отпуск на родину. Товарищи теперь с нетерпением ожидают их возвращения — сколько новостей привезут отпускники! К тому же Кулесов из-под Ижевска, в роте у него есть земляки — им особенно интересно знать: „Как там, у нас, в Ижевске?“

... На соседней скамье — веселый смех, разыгрывают Миленина.

— Слышь, Боря, а она что-то не так смотрит. Раньше ласково глядела, а нынче с хитрецей поглядывает.

— Ну вас... к богу в рай, — улыбается Миленин.

— А ты сличи.

— Что ж, это можно, — добродушно соглашается паренек.

Десантники гурьбой идут в казарму. Борис вынимает из тумбочки кипу фотографий большеглазой девушки. Каждую неделю он получает от нее письмо и почти в каждом — фотография.

— Вся зарплата, небось, в карманы уходит, — без гордости говорит Борис.

— Слышь, Боря, — подливает масла в огонь очередной острок. — А, может, у нее фотограф знакомый зашелся?

— Фотограф, фотограф! — Борис хочет рассердиться, но у него ничего не выходит. — Сам ты фотограф. За такие слова... хлопнуть бы тебя по твоей собственной фотографии — сразу по-другому глядеть будешь.

Все хохочут, а Миленин, продолжая „сравнивать“ фотокарточки, вдруг восклицает с притворным ужасом:

— Эх-хе... и правда! Вроде не так на меня смотрит... И клипсы-серьги нацепила. Так дело не пойдет. Сегодня же напишу, чтобы никаких финтифлюшек.

В ленинской комнате тоже веселый гомон — там играют в домино, любители чтения склонились над книгами, многие пишут письма.

Незаметно бежит время. Вот уже обед, а часа через два сообщают: в клубе будет демонстрироваться кинофильм.

Догорает воскресный день.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

В кино я не пошел: показывали „Илью Муромца“, виденного мною раза три.

Опуста казарма. Изданный доносительный басы артиста Андреева, лихо расправляющегося с коварными тугарами.

Просматривая записи, я подумал: „Интересно, есть ли у десантников претензии? Судя по записям, ребята всем довольны. Так ли это на самом деле?“

— Добрый вечер, товарищ лейтенант, — слышался знакомый тенорок.

Оглянулся — Ковров, веселый парень с лукавым взглядом.

— Недосмотрели, Ковров, картину?

— В который раз, — махнул рукой Виктор. — Преследует меня Муромец. Где ни служу — везде Илья. И потом — „Отарова вдова“ преследует. Картина ничего себе, однако многовато показывают. Беда! Не пойму — отчего новых фильмов мало нам демонстрируют?

— Стало быть, есть на этот счет претензия?

— А как же, — с жаром произнес Виктор. — Если сможете, товарищ лейтенант, напишите об этом. Солдаты спасибо скажут. Ведь что получается?.. Солдаты говорят: „Кино да увольнения — наши развлечения“. Мы честно служим? Честно. Поэтому хорошее кино вынь да положь. Каждое воскресенье не станешь спортивных праздников устраивать. Отдохнуть надо. А кино — оно и телу и душе отдых, польза.

— Постараюсь, Ковров. А еще... еще какие у вас предложения?

Виктор замаялся.

— Есть, конечно... Но это так... Как хотите...

— Ну же, Ковров, выкладывайте.

— Форма! — выдохнул, наконец, Виктор.

— Форма? — не понял я.

— Она самая, — Ковров порозовел. — Не подумайте плохого... Нам, десантникам, не надо привилегий. Не о том речь. А чтобы удобно было служить, прыгать и, конечно, чтобы со стороны было видно — десантник идет. А сейчас... только значок нагрудный и эмблемки на погонах наше звание выдают. Хорошо бы форму нам спортивного покроя, чтобы с комбинезонами не возиться. А то... перед прыжком надевай комбинезон, после прыжка — снимай. Морока. Гимнастерки от прыжков быстро рвутся, не напасешься. Вот если бы форма в виде комбинезона была и к ней сапоги на толстой микропоре... Это бы здорово. И служить удобней, и со стороны...

Виктор умолк, бросил на меня выжидательный взгляд.

— Обещать не обещаю, — отшутился я, — чин невелик. Однако похлопотать постараюсь. Может, еще что есть на душе?

Ковров помолчал и заключил:

— Может, это и не мое дело, но коли к слову пришлось. — сказал.

Кинофильм окончился. В казарму возвращаются де-

сантники. Появились „первые ласточки“ — вернувшиеся из увольнения. Шум, смех, веселая возня заполнили казарму.

Чего только не услышишь сейчас! Один рассказывает о девушке, с которой сегодня познакомился: „Красивая — страсть! И мороженое любит!..“, другой высказывает свои взгляды о прочитанной книге, третий расхваливает Мишу Шумлова, служившего в первом взводе:

— Молодец, парень. Скоро мастером парашютного спорта станет. Здорово прыгает. Его во вторую команду спортсменов ВДВ включили, и команда первое место на первенстве Вооруженных Сил по парашютному спорту заняла.

— Ребята, — слышится голос. — От Зайдинова письмо пришло. Недаром, значит, он с Даниловским окончил курсы при Доме офицеров по подготовке в вузы. Демобилизовался парень из армии и в сельхозинститут поступил. А Даниловский — в политехническом, инженером будет. Сила!

* * *

... Немудреный солдатский разговор по душам. Сколько в нем сердечной чистоты, теплоты, честности, заботы о товарищах.

БОГАТЫРИ

— Нет, вы не правы! — горячился командир артбатареи Всеволод Теодорович Ниман. — А на что же, в таком случае, тылы?

— Согласен с вами. Всеволод Теодорович. А как врач — особенно поддерживаю, — кивал головой дегтярев.

Однако оппонент Нимана и Дегтярева не сдавался. Незачем называть фамилию этого заслуженного офицера, который в данном случае ошибался. Он тоже любит и ценит своих солдат, но — увы! — находится пока во власти устаревших представлений.

Дискуссия проходила под проливным дождем, во время ужина. В миски с кашей хлестали дождевые струи, а неугомонный оппонент только весело покрывал:

— Ничего, — солдатики у нас крепкие, не сахарные — не растают.

— Эх-хе-хе!.. — еще больше распалялся Ниман. — Разве я утверждаю, что наши десантники — кисейные барышни? Не о том речь. Вот мы сейчас на учениях. Много трудностей ребята переносят? Очень. Полезно это? Очень полезно. Нужное дело. Я о другом говорю: почему мы иногда забываем о том, что и наших тыловиков следует обучать?.. Пусть учатся облегчать трудности солдатам. Скажем, организовать пункты, где солдаты могли бы обсушиться, обогреться... по очереди, разумеется. Или... ну зачем вам кашу пополам с дождем хлебать? О таких, с позволения сказать, мелочах нужно подумать кому следует. Современная наша армия оснащена по последнему слову техники...

— А на фронте, — не унимался оппонент, — кашу, быть может, пополам с дождем доведется хлебать.

— Возможно. Если попадем в сложные условия. Похлебаем — и все тут. Разве для этого необходимо специальные курсы проходить?.. Что ни говорите, а я убежден: солдата нужно закалять, учить воевать в тяжелых условиях. Однако надо и учиться создавать ему максимум условий в самой трудной обстановке. Новые времена, новая стратегия и тактика, новое оружие... Следовательно, и к трудностям по-новому следует подходить. Раньше мы по тылам пешочком хаживали, а сейчас на машинах. Почему? Ясное дело: десантник, выпрыгнув с парашютом в тыл, и без того устал, а ему воевать и воевать. Впереди и пешее хождение, и засады, и карабканье в горы, и многое другое. Кто будет лучше воевать? Конечно, тот, кто сохранил больше сил. А если у него к тому же сухие портянки...

Этот, на мой взгляд, принципиальный разговор я вспомнил на партийном собрании батальона, обсуждавшем вопрос: „О выполнении социалистических обязательств“.

Приятно было и радостно наблюдать, с каким внутренним горением выступали коммунисты, охваченные единой мыслью: „Не успокаиваться на достигнутом, сделать все возможное, чтобы добиться еще лучших результатов в боевой и политической подготовке“. Офицеры, сержанты, солдаты смело отмечают изжив-

шие себя догмы. Новое, передовое входит в кровь и плоть заоблачных гвардейцев.

Малосущественная на первый взгляд дискуссия о мокрых портянках, о которой я только что рассказал, в действительности содержит глубокий смысл: учиться записывать Ролину учиться записывать не только с новейшим оружием в руках и энтузиазмом в сердце, но и с экономной затратой сил, расчетливо, профессионально.

Казалось бы, успехи батальона несомненны. Многие десантники — отличники боевой и политической подготовки. Не за горами то время, когда и остальные роты будут целиком состоять из воинов-отличников. Но коммунисты трезво оценивают достигнутое. Главное — устранить все то, что мешает добиться лучшего. Особенно резко обрушились они на формализм в работе. Вот несколько высказываний.

Заместитель командира второго взвода старший сержант Естюнкин:

— ...К сожалению, командир третьего взвода нашей роты лейтенант Скудин иной раз не прочь показать „товар лицом“. Не потому ли у нас среди отличников есть фамилии... ушедших... в запас?

Капитан Ниман:

— И формализм в соревновании мы еще полностью не изжили. У артиллеристов нет ленинской комнаты. Негде даже стенд установить с показателями учебы.

Заместитель командира батальона по политической части майор Васьков:

— А разве не было такого случая, когда в роте Четкова представили на отличников... двух нарушителей дисциплины!

Комбат подполковник Коржов:

— Мы, коммунисты, должны быть всегда впереди, вдохновлять солдат словом, делом, личным примером. Каждый десантник должен хорошо знать свой маневр, свою роль в общем большом деле, действовать сознательно...

Коммунист! Какое емкое по содержанию слово. Вновь и вновь я с теплым чувством вспоминаю коммунистов батальона, ставшего мне родным, близким. Память рождает картины недавнего прошлого.

... Вот ефрейтор Ахмеджанов. Он устал, промок,

ему бы вздремнуть, как другим. Но Дамир — коммунист, агитатор, ему надо подготовиться к завтрашней беседе с десантниками. И парень добровольно урывает от сна самый сладкий часок.

... Много хлопот у Виктора Кроткова, заместителя командира взвода. Но Виктор — коммунист и вызывается идти в ночной поиск, ведет за собой товарищей, каким-то чудом разыскивает в кромешной тьме штаб противника и смело его атакует.

... На тренировке сержант Новьев ушибся. Его могли освободить от учений, от десантирования. Однако парню это и в голову не пришло — ибо он коммунист.

Десятки, сотни эпизодов, свидетельствующих о замечательных духовных качествах воинов-коммунистов, возникают перед моим внутренним взором. По коммунистам равняются комсомольцы, молодые воины. И потому так крепко и спаян батальон заоблачных гвардейцев, вот в чем секрет его успехов. Пусть не все воины-коммунисты — косяка сажень в плечах. Все равно они кажутся мне богатырями, ибо неодолимы они, непобедимы. Они сильны духом, верой в правое дело, которое защищают, непоколебимой верностью воинскому долгу, коммунизму, миру и счастью.

А вместе с ними идут все воины-гвардейцы. Их боевая песня звучит грозным предупреждением агрессору:

... И если вновь придет врагам охота
Разжечь пожар и поиграть с огнем —
Пойдет вперед воздушная пехота
И на врага обрушится, как гром.
Десантники, по кораблям — вперед!
Десантники, нас партия зовет!
За честь Отчизны дорогой, за дом родной
Готовы в бой десантники — в полет!

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ, ДРУЗЬЯ!

И настал день разлуки. Никто не говорил прочувствованных речей. Да и вряд ли они были бы уместны. Старшина принял от меня комбинезон и десантные сапоги.

В столовой в последний раз появилась возле моей миски таинственная ложка.

На прощание заглянул в солдатскую лавку. Ассортимент в ней известный: лимонад, пряники, асидол для чистки пуговиц, зубная паста и прочая нужная солдатам мелочь. В лавке всегда есть народ — кому-то понадобилась зубная щетка, мыло, пуговица...

Лишь единственный товар не пользуется пока спросом — целая гора светло-коричневых, щедро пахнущих клеенкой чемоданов.

— Рановато еще раскошелиться, — шутят десантники, — надобно кое-кому мозги вправить. А то уж больно господа капиталисты размахались атомными бомбами.

Да, раскошелиться на чемоданы пока рановато. Надо быть начеку, с удвоенным вниманием оберегать священную землю социалистической Отчизны. Но мы верим: мир победит войну.

До скорой встречи, друзья-гвардейцы! Мне хочется увидеться с вами всюду: в просторах Голодной степи и на стройках Сибири, на целине и в белоснежных полях Антарктиды, в лабораториях, вечерних вузах, на фабриках и у мартеновских печей...

Мы встретимся, обязательно, непременно. Придет вам на смену юная смена заоблачных гвардейцев, а вы, раскошелившись на чемоданы, станете гвардейцами великой армии мирного труда. И где бы вы ни были, вы всюду будете высоко держать гвардейское знамя, вдохновенно претворять в жизнь грандиозные предначертания XXII съезда КПСС, трудиться во имя Мира, Труда, Свободы, Равенства, Братства и Счастья.

Имя вам — легион, и поэтому коммунизм — светлое будущее человечества — в надежных руках.

Успеха вам, дорогие воины и труженики!

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ СТАРШИНА!

В воскресный предмайский день выпало гвардии ефрейтору Азиму Сарварову быть дневальным.

Нежданно-негаданно свалилось оно ему на голову. И вовсе не то, чтобы Азим категорически не признавал де-юре и де-факто суточный наряд и потому относился к нему с предубеждением. Ни в коем случае! Ротный старшина тридцативосьмилетний здоровяк, сверхсрочник Пидковин давно уже развеял на этот счет какие-либо иллюзии.

— Быть дневальным, товарищи гвардейцы, — частенько повторял бравый старшина, — это вам не цирк. Наряд — явление, предусмотренное уставом внутренней службы, и потому дневальство есть объективная истина, а не какой-нибудь эфемерный вздох. Так что никаких поблажек не допущу.

А Азим и не помышлял о поблажках. Службу он нес всегда исправно, в тщательно отутюженном обмундировании, с чистым подворотничком, докладывал по форме. И все же пришла весна. Весна, коварное время года, когда голосисто и залиvisto щебечут птички и как-то по-особенному, со щемящей радостью, бьется сердце.

... Ранним апрельским утром стоял в наряде ефрейтор Азим Сарваров и любовался видом в открытую дверь: белоснежный излом гор, словно врезавшихся в розовато-голубое небо, красавцы-тополя, голуби, кувыркающиеся в прозрачной вышине. А если еще учесть, что Олечка, смешливая блондиночка с по-весеннему голубыми глазами, наконец-то согласилась пойти с Азимом в кино, посмотреть фильм с волнующим названием

„А если это любовь?“ — то нет ничего странного в том, что находившийся в наряде ефрейтор вдруг стал сочинять стихи. И до чего же легко шли из него стихи — как зубная паста из тюбика! Стоит Азим у входа в казарму и сам даже удивляется: неужели он, гвардии ефрейтор Азим Сарваров — поэт? На еще на русском языке сочиняются стихи. Вот чудеса!

Дневалит Азим, любитесь несравненным пейзажем, шепчет свои вирши и мечтает о том, как он в такой же весенний день, получив увольнительную, встретится с той, лучше которой не сыщешь ни на Земле, ни, тем более, в Космосе. Прямо-таки затмение нашло на парня.

... И вдруг исчез удивительный пейзаж с его горами, тополями и голубями. Вместо него в дверном проеме возникла крижистая фигура старшины Пидковина.

Сарварову доложить бы, как положено. Старшина по привычке напряжился, рука сама собой к козырьку тянется, а дневальный вроде и не замечает его — смотрит сквозь Пидковина, словно перед ним не боевой старшина, а человек-невидимка. Солдаты вокруг удивляются: мол, с чего это старший в чине отдает честь младшему? Почему молчит дневальный?

Опомнись, наконец, влюбленный ефрейтор, вытянулся в струнку, отдал честь и, в совершеннейшем умопомрачении, произнес:

— Весна! Дехканин, торжествуя,
На ЗИЛе обновляет путь.
Его машина, газ почуя,
Несется рысью как-нибудь.

Потом покраснел и промолчал.

— Докладывает гвардии ефрейтор Сарваров.

От неожиданности выдавший виды старшина и тот понялся. Затем спросил с опаской:

— Это ... как понимать, товарищ гвардии ефрейтор?.. Почему стихи?

— М-мои, — едва выдохнул Азим, — честное слово мои, Павел Иванович! Мои стихи.

Тут уж старшина Пидковин окончательно пришел в себя:

— За мечты в неположенное время и переиначивание стихов поэта-классика Александра Сергеевича

Пушкина, за неуставное обращение „Павел Иванович“ и небрежное несение возложенных по службе обязанностей — два наряда вне очереди. И считайте, что вы еще легко отделались, товарищ гвардии ефрейтор.

Но гвардии ефрейтор не мог так считать. Для него эти два наряда были страшной карой, грозящей ужасной катастрофой: в воскресенье, в три часа дня точно будет его ждать у кинотеатра Олечка. И, как знать, не встретится ли ей на жизненном пути неотразимый красавец из второй роты Петька Волооков? Оскорбленная в лучших чувствах Олечка может оказаться в Петькиной паутине и очень даже прекрасно посмотреть с Петькой волнующий фильм „А если это любовь?“

А в это время он — ефрейтор Сарваров — будет в наряде!

Так оно, собственно говоря, и случилось. В воскресный день выпало ефрейтору Азиму Сарварову дневальство. Парень стоял на своем посту хмурый, как грозовая туча. Еще бы! Наглаженные, благоухающие одеколоном товарищи ушли в город, с волейбольной площадки доносились гулкие удары мяча и возгласы болельщиков, на открытом ринге проходили финальные бои на первенство части. Азим самолично видел, как неописуемой красоты Петька Волооков проследовал к проходной, сапоги его сверкали подобно черному солнцу!

Ефрейтор уже не любовался пейзажем, не сочинял стихов. Его мучила ревность.

В глубине души Азим сознавал, что наказали его справедливо. Тем не менее, ему почему-то хотелось думать нехорошо о Пидковине. Хотелось, а ничего из этого не получилось. Все в части любили и уважали старшину Пидковина: за звание Славы всех трех степеней, за лихого пулеметчика, который (по его собственному образному выражению) „от Волги до Берлина на животе прополз“. Солдаты говорили о Пидковине коротко: „Строг, но справедлив“. Офицеры — чуть попространнее: „При случае и батальоном может командовать. Не мыслит себя вне армии“.

А еще вспомнил Азим, как однажды встретил его старшина на улице и затащил к себе домой чай пить. Жена Пидковина, спокойная, рано поседевшая женщина, потчивала гостя ватрушками, а старшина все рас-

спрашивал Азима про колхозную жизнь, про хлопок. А когда осмелевший парень спросил: „Почему вы, Павел Иванович, до сих пор старшина?“, Пидковин развел руками и рассмеялся: „Так уж вышло. Видать, не годюсь в генералы. Да еще и неизвестно — кто из нас выгадал. Генералов много, а старшин — таких, как я, со стажем, — говорят, во всей армии раз, два и обчелся. И, между прочим, сам я из армии не уйду. Вот ежели прикажут — другое дело. Подамся я тогда в твой колхоз, отец у тебя председатель... замолвишь словечко, а?.. Ха-ха-ха!..“

Нет, определенно нельзя было плохо думать о старшине.

... Азим по привычке глянул было в открытую дверь и тут же вскинул руку под козырек — в обрамлении дверного переплета, словно портрет в багете, появился старшина.

На этот раз все прошло благополучно. Пидковин не сделал ни единого замечания. Одно лишь смутило влюбленного ефрейтора: старшина приказал Азиму, как только сменился, зайти в ротную канцелярию.

Через полчаса, чуточку взволнованный, ефрейтор, перешагнув порог канцелярии, докладывал:

— Товарищ гвардии старшина, по вашему приказанию...

— Ну-ну... — махнул рукой старшина. — Я ведь просто так вас вызвал. Жинка в больнице на дежурстве, сын к приятелю ушел. Я и подался в роту. Скучно дома одному.

Поначалу беседа не ладилась. Но как только дошло до воспоминаний военных лет, оба оживились. Павел Иванович даже помолодел, у Азима от волнения и любопытства заблестели глаза.

Да, как же приятно было Пидковину. Здорово любили меня пули и осколки. Бывало, что ни бой — обязательно амуницию попортят. То каблук, как ножом, осколком снесет, то каску погнет. Однажды даже в медаль „За боевые заслуги“ пуля угодила. Разворотила медаль, а в грудь не пошла — дружка моего, подносчика патронов, рикошетом по лбу хлопнула и здоровенную гулю ему набила. Дружок даже обиделся: „С меня, — говорит, — и персональных пуль-осколков за глаза хватит. А если товарищи своими пулями станут

швыряться, то так дело не пойдет". И вот что самое непостижимое... Весь я, как решето, а никаких тебе ранений. Даже обидно. Только и знай — чини амуницию. С женой своей нынешней познакомился... До сих пор стыд берет. Подхожу это я к ней и говорю: „Товарищ санинструктор, разрешите представиться...“. В это время слышу такой не то скрежет, не то посвист — фрицы из шестиствольного миномета жажнули и чувствую вроде бы прямо в нас. Только успел свою будущую жену в ровик столкнуть и плюхнуться на землю, загремело, загрохотало, пыль, дым, визг осколков... Ощутил еще, что кто-то дернул меня за штаны. Поднимаюсь, наконец, на ноги, гляжу на санинструктора, а она хохочет-надрывается. В чем дело? Уж не рехнулась ли от страха?

Решил все же представиться: „Гвардии сержант Пидковин, Павел Иванович“. А она знай себе хохочет. Оглядел я себя и ахнул: весь я целый, все на мне цело, а штанов нету — только трофейные невыразимые голубеют, да какие-то бахромы из голенищ торчат!.. Не сержант, а настоящий средневековый Дон-Жуан.

Азим смеялся до колик в животе. Успокоившись немного, спросил:

— Товарищ старшина, ребята у нас спорят — когда воевать страшнее. Одни говорят — в начале, а другие — в конце войны. А третьи — совсем не страшно, говорят.

Пидковин нахмурился:

— Сумбурный спор. На войне всегда страшно. Только наши войны страх за горло берут. Потому и непобедимы. И еще дисциплинка требуется. Во всем. Помню я свой последний бой, первого мая сорок пятого года. Штурмуем Берлин. Есть нашей роте приказ — пробиться через улочку на широченную штрассе, а фашисты нас не пускают: установили на перекрестке три пулемета, укрылись за зданиями. В таком деле с ожженным „тигром“, головы поднять не дают.

Начал было я из своего станкача обрабатывать осинное гнездо, на тебе — фаустпатронщик „благословил“: пулемет изувечил, всему расчету руки-ноги попортил и меня, естественно, не забыл, „сидор“ мой — вещмешок до основания сжег. „Ну, — думаю, — худо ты, Павел, встречаешь международный праздник трудящихся. Сплоховал“. И такое меня взяло зло! Подхватил я трофей-

ный автомат, напихал за голенища обойм, четыре гранаты прихватил и, понятное дело, с разрешения командира роты, пошел сводить с фашистами личные счеты.

Павел Иванович погладил теребристый „ежик“ и продолжал:

— План был у меня нехитрый. Рота прикрыла меня огнем, а я, пользуясь тем, что фрицы головы к земле поприжали, маскируясь за обломками стен и грудками кирпича, ползу к полуразрушенному четырехэтажному дому. Наш батальон его блокировал огнем, фрицам туда хода нет. И нам тоже. И фашисты его огнем блокировали. Ну, а я ползу. По дороге мне только каску с головы сорвало. А голова осталась — и то ладно. Коротче говоря, пробрался. Осторожно поднимаюсь на чердак, гляжу и ликую: все три вражьи пулемета как на ладони! Вытащил я из-за пазухи противотанковую гранату и вдруг слышу сзади визг: „Хенде хох!“

Обернулся — стоит передо мной сопливый фашистик лет пятнадцати, гитлерюгенд, дрожит и в руках у него фаустпатрон пляшет. Как очутился здесь этот вояка? Должно быть, прятался — и от нас, и от своих. Увидел мою гранату, сомлел и от страха выпалил. Ладно что мимо ахнул. И тут же на коленки — и в слезы. Дал я ему в сердцах хорошего леща, связал. А он только лепечет: „Дер эрсте Май!.. Дер эрсте Май!..“ Просит пощадить, значит, по случаю праздника. Я думаю: „Вот после боя выпорю тебя, щенка, по первое число. Будешь знать, как фаустпатронами баловаться“.

Ефрейтор Сарваров сидел, как на иголках. Он порывался что-то сказать, однако увлекшийся рассказом старшина только рукой махнул.

— Так вот. Хотел выпороть вояку, а не вышло. И всему виной моя недисциплинированность. Швырнул я в осляное гнездо одну гранату, другую, третью. Заткнулись фрицы, рванулись наши в атаку, а я решил пофорсить перед своим санинструктором. Высунулся из слухового окна и платочком помахиваю, мол, прошу вас прогуляться! А фрицам того и надо было. Загнал мне автоматчик в живот четыре пули. Я и лапки кверху. Лежу и с ужасом слушаю: работает у гитлеровцев эдин пулемет, не добил, значит. Положит наших ребят, посечет! Вот тебе и весна! Доигрался, ухажер безголовый. „Ура!“ уже не слышать. Залегли, стало быть, ребята.

И санинструктора твоего ненаглядного фрицы могут прихлопнуть! Что делать? Ползти в трибунал? И вдруг слышу... Топот сапог. Уж не фашисты ли?! Ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу. Ну?.. Слава господи! Наш солдат. Довольно невежливо оттащил меня от окна, отшвырнул гранату, еще, еще!.. Услышал я родное „Ура!“ и провалился в темноту.

Павел Иванович перевел дух, а ефрейтор вдруг воскликнул, заикаясь:

— Т-товарищ... Павел Иванович! Этот солдат—отец мой. Честное слово! Он за это орден получил. Честное слово! Он рассказывал. Он вас не оттащил... отшвырнул. Каждая секунда была дорога!.. Честное слово...

Ошеломленный старшина уставился на ефрейтора.

— Дела-а, — хмыкнул он и широко улыбнулся. — Надо будет отписать вашему боевому папаше, поблагодарить. Разве я выжил бы, коли рота по моей глупости погибла бы. Спас он меня. А что касается взыскания — оно остается в силе. Дружба — Дружкой, весна — весной, а служить надо как положено. На военной службе нет важных и неважных дел. Поняли?

— Так точно, понял! — вздохнул Азим.

* * *

Покидая казарму, Павел Иванович почему-то сделал сердитое лицо и спросил Сарварова:

— Приметы какие?

— А? — не понял Азим.

— Ну... ее... которая у кино ждет... Слышал краем уха. Надо же предупредить, объяснить что к чему. И этого ферта Волоокова наладить... Ох, уж эти мне нарушители. Натворят непорядков, а старшина за все отвечает!

... Азим смотрел, как неспешно шагал старшина Пидковин к проходной, и в душе солдата расцветала весна. Только сейчас он сообразил, что не поздравил Павла Ивановича с наступающим Первомаем.

„С праздником вас, — мысленно говорил Азим, благодарно улыбаясь. — С праздником вас, дорогой товарищ старшина!“

РОМАШКИН ПИШЕТ СТИХИ

Вместо того, чтобы совершенствовать свою боевую подготовку, рядовой Федор Ромашкин стал усиленно писать стихи.

Это несчастье произошло с ним сразу же после того, как Федор побывал в Доме офицеров, куда он прибыл с группой товарищей на предмет выяснения его вокальных способностей.

— У вас,— сказала ему молоденькая черноглазая пианистка, проверявшая голоса самодеятельных певцов,— у вас, дорогой товарищ, к сожалению, есть только желание петь. Но... поймите меня правильно... Удовольствия от вашего пения... Короче говоря, возьмите себя в руки и удержитесь от искушения.

— Есть удержаться от искушения,— покорно ответил Ромашкин, заливаясь румянцем.

Ротный старшина Хоменко, весельчак, балагур, знаменитый на всю дивизию бас-профундо и боксер, одобритительно кивнул массивной, словно вырубленной из гранита головой и промолчал.

— Золотые слова, Верочка. Ему, рядовому Ромашкину, петь противопоказано. Пусть лучше физкультурой занимается. Посмотрите сами: хлипкая личность, одни глаза да зубы.

Справедливости ради отметим: Хоменко несколько преувеличивал. Федор был парень славный. А глаза его, большие, серые, с искорками,— загляденье, а не глаза. Хитроватый старшина попросту воздействовал на самолюбие солдата: пусть, мол, как следует займется спортом, а то из-за него всей роте неприятно.

сти. Кто во время маршброска отстал? Федор Ромашкин. Кто на кольцах выжаться не может? Опять-таки Ромашкин Федор!

Ромашкин ужасно смутился, побагровел даже. Ему, конечно, неприятно было слышать реплику „хлипкая личность“. Однако, главная причина его смущения оказалась иной.

Федор Ромашкин влюбился. С первого взгляда. Влюбился в молоденькую пианистку Верочку, забравшую его голос.

Вот почему он стал писать стихи круглые сутки, даже на занятиях и в другое неподходящее время.

Какие Федор писал стихи — хорошие или плохие — никто не знал, так как он хранил их в глубочайшей тайне.

Однако, взводный командир и особенно старшина Хоменко только и успевали, сокрушенно вздыхая, распекать Ромашкина за нерадивость. Дело в том, что наш Федор попал в заколдованный круг: чем больше он писал стихов, тем больше отрывал времени от сна и, следовательно, днем выглядел до того рассеянным, что только за один вид заслуживал взыскания. Ему ничего не стоило всхрапнуть во время изучения взаимодействия частей пулемета. По физподготовке он по-прежнему тащился в хвосте.

— Послушайте, Ромашкин, — участливо расспрашивал старшина Хоменко. — Вы не таитесь, может, вас муха цеце укусила? Все спите да спите. Если вы больной, лечить будем.

Не знал старшина, что Федор влюблен.

Однажды ротный командир спросил у старшины:

— Ну, как Ромашкин? Все поклевывает носом?

Хоменко выяснил: последнее время держится вроде ничего. Только вот в глазах мерцание и к физподготовке относится спустя рукава. Алинкий солдат. Единственно, что хорошо — в шахматы здорово играет, второе место занял в батальоне.

— А что, если нам с другого бока к нему подойти? — высказал предположение командир роты. — Поощрить его, что ли...

Хоменко замялся.

— Ну, хотя бы за шахматы, — продолжал ротный. — Может, вдохновится парень, а?

Получив в порядке поощрения увольнительную, Ромашкин прогуливался по улицам. Неподалеку от Дома офицеров встретил он пианистку Верочку.

Как уж там все произошло — не наше дело. Главное — это то, что часа через два Федор сидел у Верочки дома, красный, как рак, пил чай с малиновым вареньем и рассказывал ей, каким он будет замечательным астрономом со временем конечно.

И вот в самый разгар его довольно сбивчивого рассказа о солнечной системе, Млечном пути и причинах лунных затмений случилось нечто такое, что у Ромашкина произошло затмение ума: в комнату вошел командир полка подполковник Серов.

Федор в смятении чувств, так и не успев вынуть из рта чайную ложечку, вскочил и стал по стойке „смирно“.

Иван Семенович осторожно вытащил ложечку, поздоровался, попросил и себе чаю, а затем, как ни в чем не бывало, завел непринужденный разговор, в ходе которого Ромашкин узнал, что Верочка — племянница командира полка, а Верочка в свою очередь выяснила, что рядовой Федор Ромашкин — будущий астроном — в настоящее время что ни на есть никудышный солдат. Далее Федор сделал открытие: Верочка — чемпионка области по бегу на 800 метров. Немного погодя Верочке стало известно: Федор Ромашкин совершенно не умеет бегать, выполнять простых упражнений на гимнастических снарядах и двухпудовую гирию не в силах выжать двумя руками.

— Кстати, — поинтересовался подполковник, — что вы, Ромашкин, все время пишете в тетрадках? Уж не стихи ли?

Федор ужасно покраснел, даже в глазах его порозовело.

— Нет... Так просто, — пробормотал он, испытывая смущенное желание провалиться сквозь землю. Потом, что командир полка, видимо, догадался о его тайне: на Федора с упреком смотрели черные бархатные глаза.

Верочка не сказала ни слова. Она только смотрела. И этого взгляда оказалось достаточно.

Из увольнения Ромашкин вернулся сам не свой. Первым делом он объявил Хоменко, что намерен заниматься боксом, бегом, гимнастикой, прыжками всех видов, поднятием тяжестей и самбо.

Старшина ахнул от изумления.

А дальше начались чудеса. Все свободное время Ромашкин проводил в спортзале, а когда потеплело — на спортивной площадке. Его настойчивость изумляла всех, его успехи в боевой и политической подготовке поражали товарищей и командиров, которые теперь едва успевали объявлять солдату благодарности. Перед новым годом Ромашкин занял первое место в полку по самою, в марте он блестяще выиграл гарнизонный кросс, а в апреле старшина Хоменко уже с опаской поглядывал на плечистого сероглазого здоровяка и бормотал под нос:

— Вырастил идола на свою голову. Как на дрожжах раздается, не успеваешь обмундированием обеспечивать...

И не думал тогда старшина Хоменко, что его воспитанник преподнесет еще сюрприз.

Как-то весной состоялся матч по боксу. Шли отборочные бои. Хоменко уверенно выигрывал встречу за встречей в своем полутяжелом весе. Но не менее уверенно шел к финалу и бывший соня и неженка Ромашкин. Он выступал в той же весовой категории, и это обстоятельство немного беспокоило старшину.

Накануне финала Хоменко, наблюдая, как Ромашкин обрабатывает „грушу“, вдруг не выдержал и сказал:

— Слушай, Федор... ты бы увольнительную попросил, что ли. Погулял. Этак совсем затренируешься.

— Ничего, — отвечал Ромашкин, не переставая коломатить „грушу“. — Человек должен быть сильным. Вы же сами меня этому учили. И мне упущенное наверстывать надо, хлипкую личность из себя изгонять.

...Наступил день финальных боев. Федор пролез под канаты, осмотрелся. Недалеко от ринга, среди зрителей он увидел Веру. В этот момент она вместе с товарищами. Еще бы! Ведь он намеренно не ходил к ней чуть ли не полгода, только письма посылал. И теперь Вера увидела его — здоровяка, этакое Алешу Поповича, стриженного „под бокс“.

Рядом с ней сидел подполковник Серов, что-то нашептывал на ухо и выразительно показывал большой палец.

Но вот прозвучал гонг. Хоменко и Федор обменялись рукопожатиями. Начался бой. Старшина бурно

атаковал, то и дело пытаясь провести свой коронный удар — крюк левой. Он делал ставку на силовой бокс, стремясь покончить с соперником одним ударом. Ромашкин действовал разнообразно: искусно защищаясь, переходил в контратаки, хорошо перемещался по рингу и внимательно следил за грозным старшиной.

Ко второму раунду Федор уловил закономерность: как только Хоменко выполнит свой любимый крюк левой, у него на мгновение остается открытой челюсть. Федор несколько раз вызывал противника на удар, и всякий раз увлеченный старшина охотно пускал в ход левую перчатку.

...Середина третьего раунда. Федор знает: сейчас последует знакомый удар левой, надо пригнуться...

Перчатка старшины со свистом прорезала воздух над головой пригнувшегося солдата. И в тот же миг Федор мощным аперкотом свалил соперника на пол...

* * *

Рассказывают, что, придя в себя, Хоменко потрогал подбородок и пробасил:

— Воспитал... на свою голову, в буквальном смысле слова. Не кулак, а кувалда.

В раздевалке, пожимая солдату руку, сказал:

— Поздравляю с победой, Федор.

На людях же старшина говорил иное:

— Вот что значит уметь найти подход к солдату, — толковал он. — Назвал Ромашкина хлипкой личностью, пристыдил, воздействовал на самолюбие и — пожалте! Таким нокаутом угостил, одно удовольствие.

„КОНТРОЛЬНЫЙ ВЕРБЛЮД“

Не успел он заявиться на завод, как сразу же обзавелся кличкой — „Верблюд“.

Он и в самом деле походил на верблюда: длинноногий, сутулый, с маленькой головой и толстыми обвислыми губами. К тому же он непрерывно жевал жвачку.

— Генри Кинг, журналист из США, — представился „Верблюд“, предъявляя корреспондентское удостоверение, и стал перечислять столько газет, которые он представляет, что у директора завода Умарова, как рассказывают очевидцы, хватило времени выкурить папиросу.

Через полчаса рабочие сделали поправку в прозвище незваного гостя.

— Э-э!.. Какой он верблюд! — кипятился расточник Джура Темиров, только что проинтервьюированный Кингом. — Это совсем нахальный верблюд. Хулиган он, пятнадцать суток ему дать надо.

Возмущался Джура не без оснований. „Нахальный верблюд“ довел его до белого каления своими, прямо скажем, нахальными вопросами. Кинг даже у Темирова признает, что рабочие на заводе трудятся до полного изнурения, что ему, Темирову, платят за равный труд меньше, чем русским рабочим.

Под конец Джура не вытерпел и заявил сопровождавшим Кинга заводским активистам:

— Уведите от меня этого типа, или я за себя не ручаюсь!

И тут-то вдруг выяснилось, что „нахальный верблюд“ довольно хорошо говорит по-русски и вовсе не

нуждается в переводчике. Он скрывал свое знание языка, надеясь кое-что выведать „сверх программы“, однако реплика Темирова разоблачила его „хитрость“. Генри Кинг дернулся, как от удара, дряблые щеки его покрылись мелкими капельками пота, большое, с пятак, родимое пятно на левой скуле залоснилось, и почему-то побагровел крючковатый костистый нос.

— Фанатик! — вскричал Кинг хриплым фальцетом, в воднистых глазах его олеснула ненависть. — Я есть журналист из США... Я требую уважать!

— А я — советский человек, рабочий, понятно, мистер верб... мистер журналист, — ответил Джура. — Видели мы таких, да... А-а... что тут говорить! Не мешай-те работать. До свидания.

— Вот именно, — зло усмехнулся „нахальный верблюд“, — до свидания.

Нет, не с добрым сердцем приехал на завод заокеанский гость. Ему показывали уникальные станки, кормили в новой заводской столовой, знакомили с передовиками производства, уговаривали осмотреть детский сад и если... Однако Кинг только отмахивался.

— Пропаганда! — нагло заявил он. — Я хочу смотреть то, что мне надо.

А надо ему было одно: выискивать недостатки, извращать факты. Увидит кучку металлических стружек в цехе — щелкнет фотокамерой, заметит на заводском дворе автомашину, с которой сняты покрышки, — опять новый кадр. Особенно он радовался, сфотографировав заводского сторожа дядю Пашу с охотничьим ружьем на плече и семнадцатилетнего Витьку Скворцова, ученика слесаря, покалечившего зубилом палец. Надо полагать, дядя Паша, по мнению „нахального верблюда“, символизировал собой „вооруженную охрану, заставляющую людей трудиться до седьмого пота“, а Витька — жертву принудительного труда.

У сопровождавших Кинга заводчан все кипело внутри. Им хотелось схватить наглеца за шиворот и выбросить за заводские ворота. Увы! Приходилось терпеть.

Но вдруг к концу смены у „нахального верблюда“ изменилось настроение. Он выразил желание побеседовать с самым лучшим рабочим.

— У нас много хороших людей, — заметил председатель завкома после некоторой заминки. — Однако...

как бы это сказать... Мистер Кинг, ставьте вопросы поделикатней. Рабочие на вас обижены, боюсь опять произойдет конфликт.

— Не боюсь конфликт. Мне нужен лучший новатор. Пошли.

„К кому бы этого типа отвести?— лихорадочно размышлял предзавкома.— Народ у нас горячий, чего доброго, по шее схлопочет „нахальный верблюд“. Отвечай потом за него. Надо подыскать парня с железной выдержкой... А что если к Русакову? Токарь-скоростник, новатор. И характер у него подходящий для данного случая. Человек с выдержкой. Даром, что друг Джурь Темирова, и всю войну вместе с ним прошел, а характеры разные. Джуря вспылчив, а Алексей Степанович и перед самым чертом не взорвется“.

Через несколько минут смущенный Русаков — сорокалетний блондин с добрыми в прищуре серыми глазами — уже пожимал руку любезно ослабившемуся Генри Кингу.

— О! Это, стало быть, и есть лучший рабочий? Очень рад познакомиться, — и тут же огорошил неожиданным вопросом: — Сообщите, пожалуйста, мистер Русаков, ваш домашний адрес.

Русаков удивленно посмотрел на странного корреспондента, назвал свой адрес и лишь сейчас решил поправить Кинга.

— Какой я лучший! У нас лучших — пруд пруди.

— Вот и хорошо, — закивал Кинг. — Я люблю, когда много лучших. А сейчас... очень прошу... пригласите меня к себе в гости, сразу после смены.

— В гости? — растерялся Алексей Степанович и уже совсем некстати добавил: — Это зачем же в гости?

— Хочу ознакомиться, как вам живется, — пояснил Кинг. Хитро подмигнув, пояснил: — Сейчас смена кончается, адрес — впереди. Но что в пропагандистскую квартиру меня уже не отведут. Интересно знать, как там у вас дома, без парада... Ага, вот и гудок. Поехали?

Русаков покраснел от негодования. Он сразу смекнул, куда гнет „нахальный верблюд“ в клетчатом пиджаке. Кинг рассчитывал застать его врасплох. „Ах, ты, поганец, — мысленно обругал заокеанского журналиста Алексей Степанович, — ах, ты, глиста на цыпочках! Я тебя так накормлю и напою, что утроба твоя лопнет“.

А вслух сказал:

— Воля ваша, мистер. Прихватим трех-четырех приятелей — и милости прошу к нашему шалашу.

— Шалашу! — обрадовался Кинг. — Землянка?!

— Угу. Трехкомнатная, в новом доме, с газом. Холодильник, телевизор и все такое.

— Ум — разочарованно вымучил „нахальный верблюд“. — Все равно поехали.

— За водочкой, извиняйте, сбегать придется, а все остальное в холодильнике.

— Уотка! — мечтательно, на американский манер произнес Генри Кинг. От волнения он заговорил с акцентом, перемежая русскую и английскую речь. — Олл райт. Форвард. Вперед!

...Долго придирчиво осматривал Кинг квартиру Русаковых. Заглянул в холодильник, на кухне сунул нос в кастрюлю с томящимся на малом огне борщом, потрогал пальцем клавиши баяна, заинтересовался, есть ли у Русаковых дети и кто они.

— Старший техникум машиностроительный заканчивает, — ответила супруга Алексея Степановича, — а дочка в восьмом классе учится.

— Очень рад, — закивал Генри Кинг. — Только вот буфет у вас старомодный... Однако я проголодался.

Бесцеремонный гость, окинув наметанным взглядом закуски, графинчики, причмокнул от нетерпения. Хозяева и остальные гости переглянулись и направились к столу.

Этот Кинг оказался настоящей прорвой — так много он ел и особенно пил: в мгновение ока уничтожил большую тарелку маринованных грибов, отведав паштета, энергично принялся за колбасу, отдал должное соленому арбузу... И все же на борщ он набросился с видом человека, голодавшего целую неделю.

Русаковы, заводчане смотрели на „нахального верблюда“ с изумлением. „Хорошо еще, что Джурь здесь нет, отказался бы сидеть за одним столом с этим типом“.

Чем больше вглядывался Алексей Степанович в „гостя“, тем отчетливее ему казалось, что где-то встречался с Кингом. Удивительно знакомая физиономия! Но где, когда он видел этого „верблюда“?

Генри Кинг насытился, хлебнул напоследок водки и окончательно раскис. В пьяном виде он оказался еще более нетерпимым и мерзким.

— Спасибо хлеб-соль, — заговорил он, гаденько ухмыляясь. — Вы хорошо живете... и это мне не нравится. Я не есть ваш друг, — объявил Кинг с пьяной откровенностью. — И рад тому, что когда будет война...

— Война?

— Да, война. Это вас пугает? Меня — не пугает. Я был на войне. Знаю. Я почетно ранен. Я знаю: война очищает мир от слабых. Война есть лекарство, исцеляющее планету...

Возмущенные гости вскочили со своих мест, кое-кто направился к выходу, и лишь Русаков сидел в растерянности, не зная как ему поступить: выбросить за порог мерзавца в клетчатом пиджаке или же дипломатично перевести разговор на другую тему.

Хлопнула входная дверь, и в столовую влетел Джура Темиров, взерошенный, злой и улыбающийся.

— Вспомнил!!! — закричал он радостно и, указав на изумленного Кинга, сказал обличающим тоном: — Товарищи, смотрите: это — „Контрольный верблюд“.

— Нахальный, — поправил по инерции кто-то из заводчан.

— Нет, нет... Именно — контрольный, — стоял на своем Джура и, ухватив за рукав Русакова, воскликнул: — Алексей-ака, вспомни... сорок второй год, деревня Листвянка... „контрольный верблюд“.

— Листвянка? — Генри Кинг встрепнулся, нижняя челюсть у него забила в мелкой дрожи.

— Ага, и ты, мистер, вспомнил?! — обрадовался Джура.

Алексей Степанович, с размаху хлопнув себя ладонью по лбу, оглушительно расхохотался. За ним расхохотался Джура. Наконец, кое-как оправившись от душившего его смеха, Русаков широко повел рукой, приглашая гостей к столу, и произнес, весело глядя на потерявшегося Кинга.

— Здравствуйте, ефрейтор Генрих канцер. Ну, как ваше почетное ранение, не побаливает?

Физиономия Кинга помертвела, в глазах отразился ужас. Схватившись за сердце, он долго беззвучно шевелил губами и пырвался подняться со стула, но ноги отказывались ему служить. Все же он сумел пробормотать:

— Я... есть теперь... американский гражданин... Если... вы будете отвечать...

— Не бойтесь, мы вас просто выставим вон, всего только, а пока... Вы тут разглагольствовали о войне. Позвольте и мне сказать кое-что.

Алексей Степанович прикрыл глаза, собираясь с мыслями, и начал свой удивительный рассказ:

— Было это, как вы уже слышали, в сорок втором, ранней осенью. Мы с Джурой в паре снайперской охотой занимались. А позиция под Листвянкой для снайпера была такая—лучше не придумаешь. Между нами и фашистами узенькая речонка протекает. Пологий берег—их; высокий, поросший густым разнолесьем,—наш.

Выбрали мы с Джурой самый развесистый дуб, замаскировались в листве. Смотришь в оптический прицел, деревушка как на ладони, кажется—протяни руку и схватишь фрица голой рукой за горло.

— Я даже протягивал руку,—пояснил Джура.

— А мы фашистов не рукой, так пулей доставали,—продолжал Русаков.—Помнится, в первый же день с дюжину положили. Сперва фрицы не очень хоронились, думали—от случайных пуль солдаты кверху лапками опрокидываются, а потом смекнули: снайперы работают. Стали фрицы осторожничают, плакатики предупредительные, маскировочные сети вывешивать, прочесывать пулеметным и минометным огнем нашу рощицу, своего снайпера на нас натравили. Только недолго он за нами охотился. Неопытный был. Блеснул оптическим прицелом, а Джура ему прямехонько между глаз и влепил пулю.

И уж совсем запаниковали фрицы, когда мы их штаб нащупали и какую-то важную птицу ухлопали.

Однако я малость отвлекся. Еще в первый день, когда мы дюжину оккупантов не железными, а деревянными крестами обеспечили, вдруг видим—вышагивает тринадцатый. Вот он сам в руки идет. С полком в руках к колодезю направляется. Джура в это время вел наблюдение. Протягивает он мне бинокль: „Посмотри, какой к тебе верблюд шагает“. Смотрю: и в самом деле на верблюда похож, второго такого не сыщешь. Физиономия тоже колоритная, сами видите. Глянешь—век не забудешь. Поймал я этого субчика в окуляр прицела, выбрал местечко под пилоткой, как вдруг почувствовал толчок в плечо. „Очумел ты что ли, Джура? Зачем

мешаешь?" „Не стреляй ты его, — отвечает мой друг. — Не надо его убивать". „Неумная шутка, — разозлился я. — Не мешай..." „Погоди, — Джура потянул меня за полу маскхалата. — Я не шучу. У нас ведь два задания: не только фашистов бить, но и разведданные собирать. А этот длинный фриц нам пригодится. Бродит он — значит, старая часть позиции занимает, исчез — стало быть, новая часть появилась. Понятно?"

Доложили мы о нашем „верблюде" командиру батальона. Похвалил он Джуру за смекалку. А в заключение сказал:

— Берегите, ребята, своего „верблюда". Пусть он у нас „контрольным верблюдом" будет.

С тех пор мы этого гнуса чуть ли не на руках носили. Учинят наши артналет, а мы волнуемся: как там наш „контрольный верблюд", не пострадал ли?

Глядишь, немного погодя, маячит знакомый горб, плетется к колодцу с ведерком. Смотришь на него — руки чешутся, а стрелять нельзя. Только тем и развлекались: поймашь его на прицел и мечтаешь в мутный глаз жакнуть. До него метров двести пятьдесят-триста, не больше, в окуляре фриц прямо под носом вертится.

— А я не в глаз, я в шайтанову метку всегда целил, — сказал Джура, указывая на родимое пятно на скуле Книга, и только сейчас все заметили, что „гость" запрокинулся на сугле и закатил глаза.

„Верблюда" отпихивали водой, кое-как привели в чувство. Русаков продолжал.

— Однажды приволокли разведчики „языка". Узнали мы об этом, кинулись к пленному фрицу, спрашиваем: „Слушай, шатается у вас там возле штаба длиннющий гад, на верблюда похож. Кто такой?"

„Языком зовут". У нас же верблюдом зовут. Это ефрейтор Генрих Кайзер, штабной писарь".

Ох, и обрадовались мы! Познакомились наконец-то со своим подопечным.

Долго мы его оберегали. Но вот однажды разведчики донесли: послезавтра у немцев смена частей.

— Ну, Генрих, хватит тебе за водой к колодцу шляться, — объявил поутру Джура, поймав „контрольного верблюда" на мушку в тот самый момент, когда

вояка-писарь, повернувшись к нам спиной, нагнулся над срубом колодца.

— Бей в „десятку“, — посоветовал я Джуре, уж больно удобно расположился ефрейтор.

Тут Джура Темиров перебил рассказ своего друга. Вскочив со стула, он разразился гневной тирадой.

— Глупый я тогда был! Не послушался Алексея. Пожалел этого типа. Думал: как-никак, он службу нам сослужил, и потом... Мы же его даже по имени знали. Одно дело просто врага уложить, а этот... знакомый. К тому же, прикинул я, Кайзер—всего только писарь. Зачем его бить наповал—выведу из строя, чтобы сидеть на годок разучился, и все тут. А сейчас жалею... Такого шайтана упустил!.

„Контрольный верблюд“ смотрел на Русакова и Темирова завороченными глазами. Вся его нескладная фигура выражала ужас. Должно быть, он особенно явственно представил себе, как эти двое снайперов десятки раз держали его на мушке, а стреляли они—он знал это очень хорошо—без промаха. Кайзер-Кинг икнул и закатил глаза.

— Хватит с него, — сжалился наконец кто-то из гостей. — Пусть катится на все четыре стороны. Вот тип! И как это он из Кайзера в Кинга перелицевался?

— Очень просто. Переметнулся. Новые хозяева—новая фамилия. Дайте-ка ему понюхать нашатырного спирта...

Через полчаса „гость“ пришел в себя от потрясения настолько, что сумел даже встать на ноги. Жалкий, дрожащий, „контрольный верблюд“ пробормотал с вымученной улыбкой:

— Б-благодарю гостеприимство... Удивительно... Встреча... Мне немножко... Кто мог знать —и на заплетающихся ногах побрел к выходу.

— Не забывайте старых знакомых, — напутствовал „гостя“ Русаков. — Настоятельно рекомендую!

ПАРЕНЬ ИЗ ЧИМБАЯ

Эту историю рассказал мне в Ходжейли каракалпакский поэт — веселый общительный человек с прищуренным левым глазом.

Он щурил глаз не по своей воле. Вражеский осколок повредил какой-то нерв. Как ни странно, этот недостаток придавал его скуластому загорелому лицу веселое выражение. А сам поэт острил:

— Гитлер хотел мне оба глаза навсегда закрыть. А что вышло? Прикрыл один — и то не полностью. Если опять стрелять понадобится, жмуриться не надо. Очень удобно!

И как-то само собой зашел разговор о прошедшей войне. Сидя на кошке и попивая чай, мы вспомнили Александра Матросова, подвиг двадцати восьми панфиловцев, Космодемьянских, сталинградца Павлова, легендарных защитников Ленинграда и Севастополя...

— А кто из вас слышал о подвиге Шарибая? — спросил вдруг поэт. — Был такой хороший простой парень. Жил он в Чимбае, учился в школе на курсах шоферов, а потом ушел на фронт.

Мы ничего не знали о Шарибое из Чимбая и попросили поэта рассказать о нем.

Я записал его рассказ. Вот он.

* * *

Разведчики получили задание: взять „языка“ — штабного офицера — и добыть документы штаба полка.

... По „ничьей земле“, к неприятельским проводочным заграждениям, прячась от осветительных ракет в ворон-

ках, поползло семеро, и среди них Шарибай. Огненные трассы пулеметных очередей то и дело вспарывали ночную мглу, изредка с надсадным свистом проносились в черном небе вражеская мина, но разведчики все ползли и ползли...

Вот и колючая проволока. Быстро и тихо сделали проход. Подползли к окопам.

В пулеметном гнезде, уронив голову на ствол „МГ—34“, тихо посапывала „добыча“ разведчиков. Но на этот раз это была для них мелкая сошка.

Разведчики поползли дальше. Благополучно миновали линии окопов, они проникли глубоко в тыл противника и двинулись к штабу полка—кирпичному дому, возле которого притулились пять-шесть выбеленных украинских хаток.

До штаба рукой подать, сотня метров, не более. Но как к нему подобраться, если осторожные фашисты окружили свое логово спиральной колючей проволокой, через которую пропущен электрический ток, установили прожектор? Должно быть, фашистские вояки уже натерпелись страха от партизан и, решив, что береженого бог бережет, приняли все меры предосторожности.

Разведчики решили сделать под проволокой подкоп.

Плодородна и щедра украинская земля. Но сейчас, схваченная осенней стужей, она едва поддавалась. Копать приходилось лежа. Разведчики буквально по горстям выгребали землю. И все же они прорыли неглубокую ложбинку, один за другим поползли под проволокой, легкое прикосновение к которой грозило гибелью.

... Луч прожектора пошарил возле проходной, осветил часового и потух. Разведчики облегченно вздохнули.

Не знали они, что кроме часовых штаб охраняет

Ночная тишина вздрогнула от бешеного лая пса, специально натренированного на людях в лагерях смерти. Захлебываясь от ярости, застрекотали пулеметы, вспыхнул прожектор. Беспокойно скользнув по земле, он устоялся беспощадным глазом на разведчиков.

Завязалась перестрелка.

Бой был неравным. Слепленные прожектором, разведчики не могли вести прицельного огня, а отступать некуда.

Через несколько минут все было кончено.

...Шарибай открыл глаза, тихо застонал: нестерпимо болела грудь, неимоверная тяжесть не давала вздохнуть. Оглядевшись, он содрогнулся от ужаса: на нем навалом лежали трупы товарищей. „Смерть! — мелькнула мысль. — Вот она — смерть“. И следом другая — почему-то вспомнилась реплика старшины роты, когда он впервые пришел в дружную семью разведчиков: „Ростом тебя бог не обидел, парень, только вот худой ты, аж жалость берет. Нам бы покрепчайшей надобно. А ну-ка, пожми мне руку... так... гм... Ничего. Стало быть, ты жилистый. Добро! В жилистых, говорят, три жизни сидят. Живучи“.

С трудом повернув голову, Шарибай чуть не заплакал от бессильной ярости. В нескольких шагах он увидел крыльцо дома, в котором помещался штаб. На высокой скамье дремал часовой. Гитлеровцы приволокли трупы убитых разведчиков к штабу, чтобы похвастать перед начальством своими „подвигами“.

Первой мыслью, мелькнувшей в голове Шарибая, была: „Надо попытаться спастись“. Но уже, чуть ли не опережая ее, пронизала мозг другая: „А как же задание? Надо и спастись, и выполнить боевой приказ!“

Легко сказать: выполнить! А как?

Возле штаба произошла смена часовых. Новый автоматчик сразу же сел на скамью и стал клевать носом.

Собравшись с силами, Шарибай попытался выползти из-под тел товарищей.

Не тут-то было! Чуткая овчарка с рычанием подскочила к груде тел. Вздвигив шерсть, она принялась разыскивать живого человека. Она чуюла его, слышала его слабое дыхание. Вот уже ее оскаленная пасть добралась до лица Шарибая...

И тогда произошло невероятное. Тяжело падающий юноша сжал собачье горло с яростью отчаяния. Короткая борьба — и пес, вздрогнув, затих.

По-видимому, часовой заснул крепко. Ни рычание пса, ни шум борьбы не привлекли его внимания. И тогда Шарибай, сдерживая стоны, выполз из-под трупов товарищей. Перед глазами его мелькали огненные круги, в груди что-то kloкотало, но он упрямо полз вперед, туда, где сидел часовой. Ссутулившаяся спина гитлеровца притягивала его к себе, как магнит.

Шарибай нащупал на поясе кинжал... Фашист даже не охнул.

И сразу же стало легче дышать, не такой нестерпимой показалась боль в груди. Разведчик чадел на шею автомат часового и, держась за стену, неверными шагами направился в дом.

Из комнат слышался храп гитлеровцев. В конце коридора из открытой двери доносился разговор телефониста. Юноша знал, что идет на верную смерть и все же шел, выполняя свой долг.

И костлявая устрашилась, отступила. Шарибай приоткрыл дверь одной из комнат и при свете настольной лампы увидел картину: трое фашистов храпели, откинувшись на спинку дивана. На столе — бутылки, рюмки. В углу на большом письменном столе — карта, туго набитый портфель, пистолеты.

Трое гитлеровцев были по пояс раздеты. Их мундиры висели на распялочках. На одном мундире поблескивали полковничьи погоны.

„Кто же из этих мерзавцев полковник? — озадаченно размышлял Шарибай. — Ах, была не была... Возьму самого толстого!.. А как быть с остальными?..“

Решение пришло самой собой. Два взмаха кинжала — и выбора больше нет. Разведчик засунул в портфель карту, прихватил пистолет и ткнул им „счастливец“ в нос. Гитлеровец чихнул. Шарибай вновь подтолкнул пьянчужку. Тот открыл наконец глаза и обалдело разинул рот. Крикнуть фашист не успел — во рту у него очутилась салфетка.

Плешивый, жалкий, с выражением дикого ужаса в глазах, гитлеровец замер на диване. Он покорно дал связать ремнями руки, послушно пополз к выходу, чувствуя спиной ствол пистолета.

Шарибай не знал, что делать дальше. Подкопать и рез подкоп под проволокой? Но толстому фашисту это вряд ли удастся. И потом... сможет ли он, Шарибай, тяжело раненный, доползти до своих?.. Ну что ж, если этого не удастся сделать, он пристрелит фашиста или... заставит его нести себя...

Выручил случай. Неподалеку от штаба стоял огромный грузовик. И сразу же созрел дерзкий замысел.

Гитлеровец, сопя, вскарабкался в кабину, на место шофера с трудом поднялся разведчик... Так и есть, —

ключ от мотора в пазу. Беспечность? Вряд ли. Кто сможет угнать грузовик, если кругом колючая проволока, а выезд охраняет часовой?

Кто может? Сейчас посмотрим...

Взревел мотор, грузовик, набирая скорость, двинулся к воротам проходной.

Часовой что-то крикнул и тут же свалился наземь, срезанный автоматной очередью.

Поднялась тревога, защелкали выстрелы, луч прожектора тревожно заметался из стороны в сторону, осветил грузовик и ворота... запертые на замок!

Не раздумывая, юноша отогнал назад грузовик, затем с ходу врезался в ворота. Раздался треск, со звоном разлетелось ветровое стекло, изжалив лицо мелкими осколками. Однако удар разнес и ворота. Шарибай нажал на газ.

Сзади неумолчно трещали автоматы.

И вновь счастье улыбнулось храбрецу. Грузовик ураганом неся по автотрассе — давил мотоциклистов, солдат, проскакивал контрольные посты. Получив в мотор и борта порцию зажигательных пуль, он заглох лишь на „ничьей земле“ и, подбитый противотанковой пушкой, вспыхнул, как гигантский факел.

Но на нашей стороне разведчиков ждали, и поэтому сразу же заговорили огневые точки, прижимая гитлеровцев к земле, не давая им поднять головы, вести прицельный огонь. К пылающему грузовику бросились советские воины.

Увидев своих, юноша прошептал:

— Полковник... портфель...

И потерял сознание.

Пришел он в себя в медсанбате. Вышел из госпиталя еще более похудевший, серовато-бледный, с орденом Ленина на гимнастерке.

А потом опять бои, разведки.

После победы вернулся Шарибай домой. Стал инструктором райкома партии. Скромный, застенчивый человек — о себе он не любил рассказывать. Еле-еле упросил его показать документы, рассказывающие о том, как он похитил гитлеровского полковника. А за что Шарибай награжден еще орденом Славы и орденом Отечественной войны, так и умолчал. Шарибай лишь конфузливо улыбался и бормотал: „Да так... за

службу. Ну чего, спрашивается, пристал? За что, за что? Так уж получилось“.

* * *

Поэт задумался и, немного помедлив, добавил грустно:

— Вот какой парень жил в Чимбае.

— Почему — „жил“? — не понял я. — Он что — переехал в другой город?

— Умер он. Позапрошлый год умер. Совсем еще молодым.

Все притихли, а рассказчик добавил с горечью:

— Точнее, убили его. Убийцы проклятые! Шестнадцать с лишним лет таилась в его груди подлая фашистская пуля. Эхом войны отозвалась его кончина. И разве только он один погиб от пули спустя много лет! До сих пор все мы чувствуем страшное дыхание прошлой войны. И потому мы ненавидим фашизм.

— А как фамилия Шарибая?

— Рахматуллаев, — ответил поэт. Он провел по лицу ладонью, вздохнул: — Рахматуллаев... Но разве дело в фамилии? Честь и слава парню из Чимбая. А сколько в Советском Союзе таких, как он!

...За окном давно уже перестала бушевать гроза. Мы по-прежнему сидели на кошке, поджав ноги. На душе было грустно и радостно. В пиналах остыл забытый чай.

Каждый размышлял о чем-то. И я вспомнил 1943 год, Тегеран, лейтенанта американской армии, мистера Дбодона. Поглаживая чуть посеребренную сединой щеточку модных усиков, он объясняет мне, почему союзные войска не открывают второго фронта.

— Мы пришиваем последнюю пуговицу к последнему мундиру.

— А если так... без последней пуговицы? — сязвил я.

— Нельзя, — серьезно пояснил Дбодон. — Воевать надо в нормальных условиях.

Нормальные условия! Американцы мигом забыли обо всем на свете, как только, уже перед концом войны, получили сокрушительную затрепину в Арденнах. Они взвыли от ужаса и стали молить нас о помощи.

Советские войска, верные союзническому долгу, не пришивали „последней пуговицы“. Они ударили по врагу и сорвали немецкое наступление в Арденнах, спасли союзников от разгрома.

Но, видимо, у бывших „союзничков“ коротка память. Они сейчас поощряют западногерманских реваншистов. размахивают водородной бомбой...

Угасните, господа!

А если вы все же разожжете факел войны — потянете все, — даже ту самую „последнюю пуговицу“, которую вам так и не удастся пришить.

И еще запомните, господа: советским людям есть что защищать и есть чем защищать.

А какие у нас люди — это вам хорошо известно. Вспомните Гастелло, героев обороны Бреста, Москвы, Ленинграда, Севастополя, Одессы, вспомните надписи советских воинов на рейхстаге...

Вспомните, наконец, о простом советском парне из Чимбая!

СОДЕРЖАНИЕ

Заоблачные гвардейцы	3
Дорогой товарищ старшина!	62
Ромашкин пишет стихи	69
„Контрольный верблюд“	73
Парень из Чимбая	82
